

АП:И

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

международный научный журнал // ISSN 2713-1513 // № 3 (289), 2026 // apni.ru

часть III

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 3 (289)

Часть III

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Zufарович, кандидат технических наук (Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермекбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хаитова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Бурде А.С.

ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА
И НА ПЕРСПЕКТИВУ ДО 2035 ГОДА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ6

Галий Е.А., Королева М.Д.

ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ ДЕТЕЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ9

Дураева П.М.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕЩЕВЫМ ИМУЩЕСТВОМ СОТРУДНИКОВ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МЧС РОССИИ14

Казакова А.А.

УПРАВЛЕНИЕ ПРОГРАММАМИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ МЕЖДУ
РОССИЕЙ И КИТАЕМ.....17

Королева М.Д.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ
ПРОЕКТОВ К СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ.....28

Лучкин Е.П.

ПРОБЛЕМЫ В ФОРМИРОВАНИИ БЮДЖЕТОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ
ОБРАЗОВАНИЯХ36

Разумов А.Л.

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИОННЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ЗАМЕЩАЮЩИХ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ
ДОЛЖНОСТИ С РЕШЕНИЕМ ВОПРОСА КОМПЛЕКТОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИМ
СОСТАВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ.....39

Сладких М.А.

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ
ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ КАК МЕХАНИЗМА
ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ.....45

Шишкина А.Ю.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: СУБСИДИРОВАНИЕ, ЛЬГОТНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ
И НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ50

ПЕДАГОГИКА

Гребеник Е.А., Левда Г.Н., Ищенко Н.Н., Золотарева Т.С.

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЁНКА. ФОРМИРОВАНИЕ
КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У ДЕТЕЙ С ОНР В УСЛОВИЯХ
ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ ГРУППЫ.....55

Нисин К.С.

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В СТРУКТУРЕ МЧС РОССИИ: СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДОМСТВА.....	59
--	----

ПСИХОЛОГИЯ

Герчина Е.В.

МЕТОД ЗАМЕЩАЮЩЕГО ОНТОГЕНЕЗА: НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КОРРЕКЦИИ РАЗВИТИЯ У ДЕТЕЙ.....	63
--	----

Хлебникова Д.А.

СВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ У СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА	66
--	----

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Marie Madeleine Treutler

THE PHYSIOLOGICAL AND STRUCTURAL FOUNDATIONS OF PROFESSIONAL MODELING: BODY REGULATION, PROPORTION, AND HEALTH SUSTAINABILITY IN CONTEMPORARY VISUAL PRACTICE.....	69
--	----

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

БУРДЕ Анна Сергеевна

магистрантка,

Забайкальский государственный университет,
Россия, г. Чита

ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА НА ПЕРИОД ДО 2024 ГОДА И НА ПЕРСПЕКТИВУ ДО 2035 ГОДА В ЗАБАЙКАЛЬСКОМ КРАЕ

Аннотация. В статье представлен подробный анализ хода реализации и достигнутых результатов Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и перспективу до 2035 года за 2023-2024 годы в Забайкальском крае. Проанализированы ключевые показатели по направлениям экономического и социального развития, выявлены достижения и проблемы.

Ключевые слова: социальные и экономические показатели, инвестиционные проекты, поддержка предпринимательства, транспортная инфраструктура.

Реализация Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока охватывает широкий спектр мероприятий, направленных на повышение уровня жизни населения, модернизацию экономики и развитие социальной инфраструктуры. Забайкальский край демонстрирует ряд положительных изменений в 2023-2024 годы.

1. Экономическое развитие

1.1. Инвестиции и промышленность

В 2024 году в развитие промышленного парка «Кадалинский» направлено 594,8 млн руб. Совершена укрупнительная сборка и монтаж металлоконструкций, техническая готовность 38,75%. Участие региона в федеральных конкурсах позволило привлечь 40 млн руб. субсидий на 2025 год. В целом сохраняется тренд на рост инвестиционной активности и развитие инфраструктуры.

1.2. Малый и средний бизнес

В 2023 и 2024 гг. поддержка сектора МСП осуществлялась через докапитализацию гарантийных организаций (22,25 млн руб. ежегодно). Объем предоставленных поручительств в 2023 году достиг 1,4 млрд руб. (план 0,77 млрд), в 2024 году – 1,16 млрд руб. (план 1,0 млрд руб.).

Объем выданных кредитов вырос: 3,6 млрд руб. в 2023 году (план 1,53 млрд) и 3,5 млрд в 2024 году (план 3,0 млрд). Показатель отношения действующих поручительств к гарантийному капиталу превышен как в 2023-м (3,8), так и в 2024-м (4,38) при плане не менее 3,0.

1.3. Поддержка экспорта

В 2024 году Центр поддержки экспорта обеспечил услуги 309 экспортно ориентированным МСП (в т. ч. по сертификации/транспортировке – 23 МСП). Объем поддержанного экспорта – 4,75 млн долл. США. В 2023-2024 гг. проведены международные миссии, выставки и семинары, расширен перечень имущества для МСП на 10%.

2. Социальное развитие

2.1. Здоровоохранение

В 2024 году построены 11 ФАП и 6 СВА (182,2 млн руб.), проведены капремонты 8 медорганизаций (257,8 млн руб.), закуплено 20 единиц тяжелого медоборудования (36,2 млн руб.), выполнено 347 авиавылетов экстренной медпомощи (445,4 млн руб.). В 2023 году аналогичные показатели: смонтировано 9 ФАП и 1 СВА, капремонт в 17 учреждениях (461,5 млн), 50 ед. оборудования (308,7 млн руб.).

2.2. Поддержка семей

В 2024 году 5624 семьи получили выплаты при рождении детей (500,5 млн руб.), из которых 490,5 млн из федерального бюджета. В 2023 году – 5224 семьи, выплат на 499,9 млн руб.

2.3. Образование и наука

В 2024 году проведен капремонт 13 общеобразовательных организаций (584,7 млн руб.), создание и обновление инфраструктуры (Кванториум, «Точка роста», цифровая среда, оборудование – всего более 500 млн руб.), создано 2571 новое дополнительное место для детей и 1950 новых – в школах. В 2023 году 51 капремонт (2048,3 млн руб.), обновление 7 ССУЗов, создание 56 научных центров, расширение материальной базы в 9 школах.

2.4. Культура и спорт

В 2024 году: 20 объектов культуры реконструированы/оснащены (263,05+55,98=319 млн руб.), 1 модельная библиотека (5 млн руб.), 12 спортсооружений (350,12 млн), театры – 24 млн руб.

В 2023 году: 15 объектов капремонт (226,5 млн), 10 оснащены (77,1 млн), 2 модельные библиотеки (16 млн), театры – 12,6 млн руб.

3. Инфраструктура и комфортная среда

3.1. Жилищное строительство

В 2024 году: введено 0,43 млн кв. м жилья, сокращено аварийного фонда на 51,05 тыс. кв. м, благоустроено 273 территории. В 2023 году: 0,38 млн кв.м., сокращено аварийного фонда на 43,1 тыс. кв. м, благоустроено 214 территорий.

3.2. Транспортная доступность

Улучшено качество дорог: 2024 год: нормативно – 85,85% городских агломераций, 41,4% межмуниципальных дорог. 2023 год: 78,5% и 40,81% соответственно.

Программа развития региона реализуется с опережением по ключевым направлениям, что способствует комплексному социально-экономическому росту:

- Эффективное освоение инвестиций и расширение механизмов поддержки бизнеса позволяют формировать конкурентоспособную экономику.

- Успехи в улучшении социальной инфраструктуры формируют предпосылки для повышения качества жизни населения, укрепления демографии, роста производительности.

- Необходимо продолжать комплексные мероприятия по ремонту жилья, развитию дорожной сети и цифровизации городов.

- Развивать меры поддержки высокотехнологичных и экспортно ориентированных компаний.

- Усилить интеграцию с федеральными программами, вовлекать новые частные инвестиции в индустриальные и инновационные проекты.

Проведенный анализ подтверждает: реализация Национальной программы развития Дальнего Востока в Забайкальском крае идет эффективными темпами, позволяет ставить новые задачи по устойчивому развитию и улучшению жизни граждан.

Литература

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный. закон [от 06.10.2003 № 131-ФЗ] – Текст: электронный // ИПС «Грант»: [сайт]. – URL: <https://base.garant.ru/186367/> (дата обращения: 10.10.2025).

2. Постановление Правительства Забайкальского края «Об утверждении Положения о Министерстве по социальному, экономическому, инфраструктурному, пространственному планированию и развитию Забайкальского края» от 14 февраля 2017 г. № 56 – [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://mininvest.75.ru/o-ministerstve/polozhenie-o-ministerstve> (дата обращения: 25.10.2025).

3. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ – [Электронный ресурс] – режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/ (дата обращения: 25.10.2025).

BURDE Anna Sergeevna

Graduate Student, Zabaykalsky State University, Russia, Chita

**RESULTS OF THE IMPLEMENTATION OF THE NATIONAL PROGRAM
FOR THE SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE FAR EAST
FOR THE PERIOD UP TO 2024 AND FOR THE PERIOD UP TO 2035
IN ZABAIKALSKY KRAI**

Abstract. *The article provides a detailed analysis of the implementation process and the results achieved in the National Program for the Socio-Economic Development of the Russian Far East for the period up to 2024 and beyond 2035 in the Zabaykalsky Krai in 2023-2024. The key indicators for economic and social development are analyzed, and achievements and challenges are identified.*

Keywords: *social and economic indicators, investment projects, business support, and transport infrastructure.*

ГАЛИЙ Елена Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственного и муниципального управления,
Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Красногорск

КОРОЛЕВА Мария Дмитриевна

студентка, Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Красногорск

ПРОФИЛАКТИКА ЗАБОЛЕВАНИЙ ДЕТЕЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. В статье рассмотрены аспекты профилактики заболевания детей как направления политики в сфере здравоохранения. Разобраны некоторые методы в профилактике заболеваний детей, а именно вакцинация, неонатальный скрининг, профилактические медицинские осмотры и скрининговые программы. Рассмотрена статистика проведения вакцинации и неонатальных скринингов. Приведена правовая база в сфере здравоохранения. В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации реализуется масштабная национальная профилактическая программа для подрастающего поколения, но необходимо повышать информированность населения о необходимости вакцинации, профилактических смотров и скринингов.

Ключевые слова: профилактика заболеваний детей, сфера здравоохранения, политика в сфере здравоохранения, вакцинация, неонатальный скрининг, профилактический осмотр.

Здоровье детей – одна из основных приоритетных задач в сфере здравоохранения. Профилактика заболеваний и предоставление качественного медицинского обслуживания становится все более важным вопросом для государств в целях обеспечения благополучия и здорового будущего нового поколения. В данной статье будут рассмотрены меры по профилактике заболеваний детей, а также важность разработки и реализации политики в этой сфере.

Целью данной статьи является рассмотрение важности профилактики заболеваний детей и разработки соответствующей политики в сфере здравоохранения. В статье будет освещено значение вакцинации, скрининга и ранней диагностики, профилактики хронических заболеваний, развития психического здоровья, а также просвещения и образования в контексте предотвращения заболеваний и обеспечения здорового будущего для детей.

В настоящее время достаточно большое количество родителей отказываются от вакцинаций, плановых профосмотров, различных скринингов. Причиной тому служит боязнь

вакцин, медицинских вмешательств и ложные представления о вреде вакцин и поствакцинальных осложнениях.

Россия в 1990 году присоединилась к Конвенции ООН о правах ребенка. В результате Россия обязалась гарантировать выживание и здоровое развитие детей в максимально возможной степени и принимать для этого все необходимые законодательные, административные и другие меры [8, с. 3802].

Учитывая высокий уровень смертности от сердечно-сосудистых, опухолевых и других неинфекционных заболеваний, которые в основном вызваны нарушением образа жизни, здоровый образ жизни стал приоритетом. Формирование здорового образа жизни с раннего возраста считается одним из приоритетов социально-экономической политики в области развития человеческого потенциала. Государство с помощью различных инструментов пропагандирует здоровый образ жизни, спорт, регулярные профилактические медицинские осмотры, с помощью различных мероприятий, и средств массовой информации.

Некоторыми составляющими профилактики заболеваний детей являются вакцинация, неонатальный скрининг новорожденных, скрининг и ранняя диагностика, развитие психического здоровья, диспансеризация детского населения.

Вакцинация – самый эффективный способ защиты детей от многих инфекционных заболеваний. Научно доказано, что вакцинация является самым безопасным и эффективным способом защиты детей от серьезных заболеваний.

Главной проблемой является снижение количества людей, желающих прививаться. Доверие к вакцинациям снижается во всем мире, а «антиваксеры»-люди, которые не согласны с предположениями об эффективности, безопасности и правомерности различных вакцин, в век развития соцсетей все агрессивнее транслируют свои взгляды. Всемирная организация здравоохранения считает это явление опасным для общества в целом.

По данным опроса, проведенного «INVITRO», около 30% россиян не делают прививки и примерно столько же считают, что они могут навредить здоровью. При этом 58%

опрошенных заявили, что готовы и планируют прививать детей от инфекционных заболеваний.

Среди причин отказа от вакцинации – боязнь осложнений, уверенность в неэффективности прививок, сомнение в качестве препарата, недостаточная защита вакцинации от инфекций, а также мнение, что стоит перенести болезнь без вакцинации. В стране стало больше вспышек вакциноуправляемых инфекций таких как корь, немало детей заболевает коклюшем и менингитом.

В ходе опроса «Аktion Медицина» по результатам отпора врачей было выяснено, что чаще всего россияне отказываются от следующих прививок:

- АКДС (адсорбированная коклюшно-дифтерийно-столбнячная вакцина), примерно 78%;
- проба Манту – 42%;
- БЦЖ (вакцина от туберкулеза) – 38%;
- оральная полиомиелитная вакцина – 36%;
- вакцина против кори – 33%. (рис.)

Отмечено, что 15% врачей сталкивались со случаями отказа от всех вышеперечисленных прививок [2].

Рис. Процент отказа от прививок

Отдельная проблема – развитие отечественного производства качественных, безопасных и эффективных вакцин по полному циклу. Если это сделать, не будет зависимости от импорта таких препаратов [7].

Для вакцинации разработаны национальный календарь профилактических прививок согласно Приказу Министерства здравоохранения Российской Федерации от 06.12.2021 № 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок,

календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок».

Данный календарь включает в себя, согласно приложению № 1, вакцинацию против:

- вирусного гепатита В;
- туберкулеза;
- пневмококковой инфекции;
- дифтерии;
- коклюша;
- столбняка;

- полиомиелита;
- гемофильной инфекции типа b;
- кори;
- краснухи;
- эпидемического паразита;
- гриппа.

Согласно приложению № 2 календарь профилактических прививок по эпидемическим показаниям включает в себя вакцинацию против:

- туляремии;
- чумы;
- бруцеллёза;
- сибирской язвы;
- бешенства;
- лептоспироза;
- клещевого вирусного энцефалита;
- лихорадки Ку;
- желтой лихорадки;
- холеры;
- брюшного тифа;
- вирусного гепатита А;
- менингокковой инфекции;
- ротавирусной инфекции;
- ветряной оспы;
- короновиральной инфекции.

В приложении № 3 к приказу рассмотрен порядок проведения профилактических прививок.

Вакцинация является одним из наиболее эффективных способов предотвращения распространения инфекционных заболеваний среди детей. Государство должно разрабатывать и внедрять национальные программы вакцинации, обеспечивая доступность и бесплатность вакцин для всех детей, а также пропагандировать нужность вакцин для здоровья населения, провещать общество в этом вопросе, используя различные источники информации [5].

Еще одной составляющей профилактики заболевания детей является неонатальный скрининг новорожденных.

Многие врожденные и генетические заболевания можно контролировать и успешно лечить, если их вовремя диагностировать. Большинство из этих заболеваний поддаются лечению, и если диагностировать их как можно раньше, еще до появления первых симптомов, то времени для нанесения вреда уже не останется. Для этого используется метод, называемый скринингом новорожденных (неонатальный скрининг).

Скрининг – это выявление не распознанных заболеваний и дефектов с помощью тестов и

других легко выполнимых методов диагностики. Скрининг новорожденных необходим для раннего выявления врожденных и генетических заболеваний. Этот тест проводится всем детям без исключения в первые несколько дней жизни [6].

До 2023 года в большинстве регионов Российской Федерации скрининг новорожденных позволял выявить пять заболеваний: фенилкетонурию, врожденный гипотиреоз, галактоземию, муковисцидоз и врожденную недостаточность коры надпочечников.

С начала 2023 года в России тестирование в рамках расширенного неонатального скрининга прошли более 95 тысяч новорожденных, из них около тысячи были отнесены к группе риска наследственных заболеваний. После чего дети, отнесенные к группе риска были направлены на проведение подтверждающей диагностики [1].

С 31 декабря 2022 года вступил в силу приказ № 274н «Об утверждении порядка оказания медицинской помощи пациентам с врожденными и (или) наследственными заболеваниями». В этом документе описано, какая медицинская помощь оказывается данному типу пациентов и какие медицинские учреждения могут ее оказывать.

В приказе перечислены заболевания, которые выявляются в рамках скрининга новорожденных, и прописана процедура проведения этого теста. В частности, в нем описано, как брать кровь на анализ, как оформлять направление на скрининг и бланк теста, как реагировать на положительные и отрицательные результаты первичного теста. В документе также изложен алгоритм оказания медицинской помощи детям с диагностированными генетическими или врожденными заболеваниями [6].

Для осуществления неонатальных скринингов Правительством Российской Федерации сформированы центры для проведения диагностики и дальнейшей маршрутизации пациентов, закуплено специализированное оборудование с целью оказания необходимой медицинской помощи.

Следующим пунктом в реализации программы по профилактике заболеваний детей является проведение профилактических медицинских осмотров и скрининговых программ. С этой целью Министерство здравоохранения Российской Федерации выпустило Приказ от 10.08.2017 № 514н (ред. от 19.11.2020) «О

Порядке проведения профилактических медицинских осмотров несовершеннолетних».

Согласно приказу предусмотрен перечень исследований и осмотров несовершеннолетних. Дети осматриваются врачами специалистами такими как:

- педиатр;
- невролог;
- детский хирург;
- травматолог-ортопед;
- офтальмолог;
- детский стоматолог;
- оториноларинголог;
- акушер-гинеколог (девочки);
- уролог-андролог (мальчики);
- эндокринолог.

Проводится аудиологический скрининг, ультразвуковое исследование (органов брюшной полости, почек, тазобедренных суставов), эхокардиография, нейросонография, электрокардиография, общий анализ мочи и общий анализ крови, скрининг детским психиатром на выявление группы риска возникновения или наличия нарушений психического развития.

Медицинские осмотры проводятся в разные возрастные периоды, которые представлены в приложении № 1 к данному приказу.

В результате проводится комплексная оценка состояния здоровья несовершеннолетних, формируются группы здоровья.

В приложении № 3 к приказу указаны правила определения медицинских групп для занятий несовершеннолетними физической культуры [4].

Таким образом, в Российской Федерации реализуется масштабная национальная профилактическая программа в сфере здравоохранения, охватывающая все министерства и ведомства и ориентированная в первую очередь на подрастающее поколение.

В качестве стратегического приоритета государственной политики в области охраны здоровья населения России создана и продолжает развиваться нормативно-правовая база по формированию здорового образа жизни.

Дальнейшее развитие активной интеграционной деятельности на национальном, региональном и мировом уровнях будет способствовать эффективному решению проблемы сохранения и укрепления здоровья детей – главного богатства нашего общества.

Профилактика заболеваний детей и разработка политики в данной сфере –

неотъемлемая часть государственных стратегий здравоохранения. Сочетание вакцинации, ранней диагностики, профилактики хронических заболеваний, развития психического здоровья и просвещения, а также включение ответственности в эти процессы играют решающую роль в обеспечении здорового будущего общества. Государственная политика в сфере здравоохранения, основанная на профилактике заболеваний детей через прививки, скрининги и профмедосмотры, является неотъемлемой частью стратегии обеспечения здоровья населения. Эффективное и систематическое проведение вакцинации детей обеспечивает иммунитет от различных инфекционных заболеваний, предотвращает их распространение и защищает детей от серьезных осложнений. Скрининговые программы и профилактические медицинские осмотры помогают выявить заболевания на ранних стадиях и принять своевременные меры для их лечения и предотвращения возможных осложнений. Такая политика способствует снижению заболеваемости, улучшению общего здоровья населения и сокращению затрат на лечение тяжелых заболеваний. Приоритетное внедрение и поддержка такой политики со стороны государства являются важным шагом к созданию здорового и процветающего общества.

Литература

1. В России тестирование в рамках неонатального скрининга прошли более 95 тыс. новорожденных URL: <https://tass.ru/obschestvo/17073299>.
2. Каких прививок боятся родители. URL: <https://www.zdrav.ru/news/1099562-vrachi-rasskazali-kakih-privivok-boyatsya-roditeli?ysclid=lsc0vomaua721942658>.
3. Неонатальный скрининг в 2023 г.: расширенный список нозологий и возможности диетотерапии. Журнал «Лечащий врач» от 26.12.2022 года. URL: <https://www.lvrach.ru/2036/partners/15438554>.
4. Приказ Минздрава России от 10.08.2017 № 514н (ред. от 19.11.2020) «О Порядке проведения профилактических медицинских осмотров несовершеннолетних» URL: <https://tubspb.ru/wp-content/uploads/2022/01/prikaz-minzdrava-rossii-ot-10.08.2017-n-514n.pdf?ysclid=lsalsm7ngx509344766>.
5. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 06.12.2021 № 1122н «Об утверждении национального календаря

профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок». URL: <https://mrcpkosz.ru/files/национальный%20календарь.pdf>.

6. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 21.04.2022 № 274н «Об утверждении Порядка оказания медицинской помощи пациентам с врожденными и

(или) наследственными заболеваниями». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207130023?ysclid=lbz0767oeу298399166>.

7. Родители все чаще отказываются от вакцинации детей. Чем это грозит. URL: <https://rg.ru/2023/04/19/ukol-ot-gluposti.html>.

8. Собрание законодательства РФ, 1998. № 31. – С. 3802.

GALIY Elena Anatolyevna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department of State and Municipal Management, Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Krasnogorsk

KOROLEVA Maria Dmitrievna

Student, Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Krasnogorsk

PREVENTION OF CHILDREN'S DISEASES AS A DIRECTION OF STATE POLICY IN THE FIELD OF HEALTHCARE

Abstract. *The article discusses aspects of the prevention of childhood diseases as a policy direction in the field of healthcare. Some methods in the prevention of childhood diseases are analyzed, namely vaccination, neonatal screening, preventive medical examinations and screening programs. The statistics of vaccination and neonatal screenings are reviewed. The legal framework in the field of healthcare is presented. As a result of the conducted research, it can be concluded that a large-scale national preventive program for the younger generation is being implemented in the Russian Federation, but it is necessary to raise public awareness about the need for vaccination, preventive examinations and screenings.*

Keywords: *prevention of children's diseases, healthcare, healthcare policy, vaccination, neonatal screening, preventive examination.*

ДУРАЕВА Полина Михайловна

магистрантка,

Академия Государственной противопожарной службы МЧС России,
Россия, г. Москва

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВЕЩЕВЫМ ИМУЩЕСТВОМ СОТРУДНИКОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ МЧС РОССИИ

Аннотация. В статье автор проводит комплексный анализ актуальных проблем системы вещевого обеспечения в образовательных учреждениях МЧС России. На основе проведенного анализа предложен комплекс мер, направленных на оптимизацию финансовых потоков, модернизацию логистической инфраструктуры, внедрение современных информационных систем и совершенствование нормативно-правового регулирования. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность и своевременность обеспечения, что напрямую влияет на уровень профессиональной готовности сотрудников и курсантов.

Ключевые слова: вещевое имущество, материально-техническое обеспечение (МТО), нормы снабжения, образовательные учреждения МЧС России, логистика, системы учета.

Обеспечение вещевым имуществом – это важный элемент материально-технического обеспечения (МТО) системы МЧС России, направленный на своевременное и полноценное снабжение сотрудников, курсантов и военнослужащих форменной одеждой, обувью, специальными предметами и средствами индивидуальной защиты в соответствии с установленными нормами снабжения. В образовательных учреждениях (военных образовательных организациях и иных структурах, находящихся в ведении МЧС России) вещевое обеспечение играет значимую роль, как в процессе обучения, так и в подготовке курсантов к службе и повышению уровня профессиональной готовности. Несмотря на наличие детальной нормативной базы, регламентирующей порядок, сроки и нормы снабжения, на практике процесс вещевого обеспечения в образовательных учреждениях МЧС России сталкивается с рядом системных проблем. Эти проблемы носят комплексный характер, затрагивая финансовые, логистические, организационные и технологические аспекты. Их игнорирование ведет к снижению эффективности учебного процесса, ухудшению условий службы и, в конечном счете, к ослаблению потенциала всей системы МЧС России.

Одной из ключевых проблем становится ограниченность бюджетных средств на закупку вещевого имущества и запасных комплектов,

что отражается на своевременности выдачи, качестве и количестве предметов одежды и СИЗ. Это может приводить к задержкам в обеспечении и ухудшению условий труда и учёбы курсантов и сотрудников. Финансирование напрямую определяет возможность соблюдения норм снабжения, утверждённых Постановлением Правительства РФ № 1368. Последствия могут быть следующие: задержка в выдаче комплектов, дефицит специализированной одежды (для холодных погодных условий).

Даже при выделенных ресурсах часто возникают проблемы с логистикой, складским хранением и распределением имущества до образовательных учреждений – особенно в отдалённых регионах. Многие склады вещевого имущества в образовательных учреждениях не соответствуют современным требованиям: отсутствует необходимый климат-контроль (для хранения специальных тканей, кожи), системы паллетного хранения, недостаточна площадь. Это приводит к порче имущества при хранении, сложностям в инвентаризации и выдаче. Процедуры выдачи, обмена, приема-сдачи часто осуществляются вручную, в специально выделенные «дни вещевого довольствия», что создает очереди, неразбериху и увеличивает нагрузку на ответственных сотрудников тыловых служб.

Вещевое имущество требует строгого учёта и контроля (карточки учёта, списки, сроки

носки и т. д.). Однако недостаточный уровень цифровизации и автоматизации учётных процессов усложняет точный контроль и вызывает ошибки, человеческий фактор снижает прозрачность процесса. Управление массовой номенклатурой вещевого имущества, закреплённого за тысячами курсантов и сотрудников, требует высокого уровня организации учета.

Немаловажной проблемой является сложность с контролем срока носки и списания. Отслеживание срока эксплуатации каждого предмета у каждого владельца вручную неэффективно. В результате имущество может использоваться сверх установленных сроков (что небезопасно), либо списываться преждевременно без должных оснований.

Для преодоления обозначенных системных проблем необходим комплексный, поэтапный подход, сочетающий стратегические и тактические меры. В результате осуществленной работы и анализа данных проблем были выявлены пути их решения и оптимизации:

- внедрить программно-целевой метод бюджетирования (формирование бюджета на вещевое обеспечение должно быть привязано не к прошлогодним затратам, а к конкретным целевым показателям: плановой численности контингента с разбивкой по курсам и специальностям, климатическим коэффициентам, утвержденным нормам с учетом поправочных коэффициентов на интенсивность эксплуатации в учебном процессе);
- ввести гибкие схемы централизованных и региональных закупок с возможностью корректировки в зависимости от спроса;
- внедрить персональный учет, цифровые личные карточки учёта вещевого имущества курсантов и сотрудников (каждый гражданин через личный кабинет в защищенной системе видит закреплённое за ним имущество, его сроки носки, историю операций, может формировать электронные заявки на замену);
- внедрить автоматическое формирование отчетов об обеспеченности, предупреждений об истекающих сроках носки, аналитических сводок.

Проблемы вещевого обеспечения в образовательных учреждениях МЧС России, несмотря на существующую нормативную базу, остаются системными – в первую очередь из-за ограничений финансирования, недостатков логистики и несовершенства учётных систем.

Комплексный подход, включающий финансовую оптимизацию, современные цифровые технологии и адаптацию норм снабжения – способен существенно повысить эффективность обеспечения и улучшить условия для сотрудников и курсантов.

Реализация данных мер требует консолидированных усилий руководства МЧС России, финансовых органов, специалистов в области логистики и ИТ. Однако инвестиции в современную систему вещевого обеспечения – это, по сути, инвестиции в будущее министерства, в безопасность страны и в тех, кто ежедневно готов рисковать жизнью для ее защиты.

Литература

1. Постановление Правительства РФ от 7 сентября 2020 г. № 1368 «О некоторых вопросах вещевого обеспечения в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы».
2. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».
3. Приказ МЧС России от 26 мая 2025 № 444 «Об утверждении норм снабжения вещевым имуществом, описания вещевого имущества отдельных категорий работников МЧС России, порядка обеспечения вещевым имуществом указанных лиц, а также знаков различия отдельных категорий работников МЧС России и описания этих знаков различия».
4. Семенова И.С. «Актуальные проблемы материально-технического обеспечения образовательных организаций силовых структур» // Сборник научных трудов Академии ГПС МЧС России. – 2022. – С. 112-118.

DURAEVA Polina Mikhailovna

Graduate Student,

Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Russia, Moscow

PROBLEMS OF PROVIDING PERSONAL BELONGINGS TO EMPLOYEES OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE MINISTRY OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA

Abstract. *In the article, the author conducts a comprehensive analysis of the current problems of the clothing supply system in educational institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia. Based on the analysis, a set of measures is proposed aimed at optimizing financial flows, modernizing logistics infrastructure, introducing modern information systems and improving regulatory and legal regulation. The implementation of the proposed measures will improve the efficiency and timeliness of the provision, which directly affects the level of professional readiness of employees and cadets.*

Keywords: *personal belongings, material and technical support (MTO), safety standards, educational institutions of the Ministry of Emergency Situations of Russia, logistics, accounting systems.*

КАЗАКОВА Анна Андреевна

преподаватель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Москва

УПРАВЛЕНИЕ ПРОГРАММАМИ АКАДЕМИЧЕСКОЙ МОБИЛЬНОСТИ МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ

Аннотация. В условиях углубления стратегического партнёрства между Россией и Китаем академическая мобильность становится одним из ключевых инструментов формирования совместного научно-образовательного пространства. Несмотря на устойчивый рост программ студенческого и преподавательского обмена, их реализация по-прежнему сталкивается с рядом системных ограничений, связанных с административной фрагментарностью, несоответствием образовательных стандартов и сложностями признания академических результатов. В статье рассматриваются основные тенденции развития российско-китайских программ академической мобильности за последние годы, выявляются ключевые институциональные барьеры и оценивается их влияние на эффективность международных образовательных обменов. На основе анализа нормативной базы, статистических данных и практик ведущих университетов предлагается интегрированная управленческая модель, ориентированная на согласование процедур планирования, реализации и оценки программ мобильности. Показано, что внедрение единого координационного и цифрового контура управления позволяет снизить транзакционные издержки, повысить прозрачность процессов и расширить доступ студентов и преподавателей к международным образовательным возможностям. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и модернизации механизмов управления академической мобильностью в российских и китайских университетах.

Ключевые слова: академическая мобильность, российско-китайское сотрудничество, управление образованием, международные образовательные программы, интернационализация высшего образования, образовательные обмены, управление качеством.

Введение

Стратегическое партнерство России и Китая в образовательной сфере трансформируется в мощный драйвер инновационного развития обеих стран. Подписанные межправительственные соглашения, такие как Меморандум о сотрудничестве в области образования (2019) и Программа двустороннего научно-технического взаимодействия (2021), создают институциональную основу для углубления академической интеграции. Эти документы закладывают правовые предпосылки для расширения программ студенческого и преподавательского обмена, фокусируясь на приоритетных направлениях технологического сотрудничества. Академическая мобильность выступает ключевым механизмом формирования пула специалистов, способных работать в условиях межкультурной среды и реализовывать совместные проекты. Исследования ЮНЕСКО (2023) подтверждают корреляцию между интенсивностью образовательных обменов и качеством кадрового обеспечения высокотехнологичных

отраслей. В российско-китайском контексте это приобретает особую значимость в свете создания международных научных консорциумов в области искусственного интеллекта, квантовых технологий и зеленой энергетики.

Несмотря на декларируемые цели, практическая реализация программ академической мобильности сталкивается с системными ограничениями координационного характера. Анализ нормативных документов 20 ведущих вузов обеих стран (2020–2023 гг.) выявил несогласованность в процедурах зачисления иностранных студентов, требованиях к академической нагрузке и механизмах признания кредитов. Особую проблему представляют визовые барьеры: средний срок оформления учебной визы в Китай для российских граждан составляет 42 дня против 14 дней в обратном направлении. Дополнительным вызовом остается недостаточная синхронизация учебных планов и образовательных стандартов. Мониторинг совместных программ двойных дипломов (Россо-трудничество, 2022) показал, что только 34% из

них обеспечивают полную эквивалентность изучаемых дисциплин. Это создает трудности в академической адаптации студентов и снижает мотивацию к участию в обменах, особенно на уровне магистратуры и аспирантуры, где требования к специализации наиболее строги.

Целью исследования выступает разработка практико-ориентированной модели управления программами академической мобильности, направленной на преодоление выявленных организационных разрывов. Модель базируется на принципах процессного подхода, интегрируя этапы стратегического планирования, операционной реализации и многоуровневой оценки. Ее ключевое отличие от существующих управленческих схем заключается в создании сквозных координационных механизмов между приемными комиссиями, международными отделами и учебно-методическими управлениями вузов-партнеров. Предлагаемая модель призвана обеспечить устойчивость образовательного сотрудничества через внедрение адаптивных инструментов реагирования на изменения регуляторной среды. Важным элементом становится цифровая платформа для синхронизации академических календарей и автоматизации процедур зачисления, что снижает административную нагрузку на участников процесса. Тестирование прототипа системы в 2023 году на базе НИУ ВШЭ и Университета Цинхуа показало сокращение сроков оформления обменов на 28%.

Достижение исследовательской цели реализуется через последовательное решение четырех взаимосвязанных задач. Первая предполагает комплексный анализ структуры и результатов ключевых программ академической мобильности за 2018–2023 годы с применением методов контент-анализа и сравнительной статистики. Вторая задача фокусируется на выявлении административных барьеров посредством анкетирования 350 участников обменов и экспертных интервью с представителями 15 университетов. Третья задача связана с проектированием управленческой модели, интегрирующей лучшие практики российских и китайских вузов, что потребует применения методов процессного моделирования и SWOT-анализа. Завершающим этапом становится оценка соответствия разработанной модели целям национальных стратегий «Образование 2030» (Китай) и «Наука и университеты» (Россия) через экспертный опрос и имитационное моделирование сценариев внедрения.

Анализ текущих программ мобильности Обзор основных программ академической мобильности между Россией и Китаем

Ключевыми государственными программами академического обмена между Россией и Китаем являются стипендиальные программы «Двустороннего обмена» и «Великая китайская стипендия». Эти инициативы курируются Министерством науки и высшего образования РФ и Китайской стипендиальной советом, обеспечивая ежегодный обмен более чем 2000 студентов. Университетские программы включают совместные образовательные проекты ведущих вузов, такие как альянс МГУ и Пекинского университета, реализующий двойные дипломы по 15 направлениям. Особое внимание уделяется краткосрочным научным стажировкам в рамках межвузовских соглашений, охватывающим технические и гуманитарные дисциплины. Специфика российско-китайских программ проявляется в акценте на адаптационные механизмы для студентов. Как отмечают исследователи: «В российской психологии в основном анализируется социокультурная адаптация исходя из личностных особенностей иностранных студентов: совокупности их психологических и социально-психологических характеристик [Иванова, 2001], адаптивных свойств личности [Балашова, Савкина, 2017; Романовская, Ильина, 2019 и др.], толерантности [Ширкова, 2017], ценностных ориентаций [Апасова и др., 2020], субъектности и др. близких к ней понятий [Польченко и др., 2019] [12, с. 113]». Данный подход реализован в программах психологического сопровождения и межкультурных тренингов, обязательных для участников обмена.

Правовая база академической мобильности опирается на межправительственное Соглашение о взаимном признании документов об образовании (2015 г.) и Протокол о сотрудничестве в области образования (2018 г.). Эти документы устанавливают единые стандарты аккредитации совместных программ и механизмы перезачёта кредитов. Институциональное взаимодействие осуществляется через Российско-Китайскую комиссию по гуманитарному сотрудничеству, координирующую работу 12 тематических рабочих групп. Реализация программ обеспечивается сетью координационных центров при федеральных университетах России и вузах проекта «Двойного первоклассного» плана Китая. Финансовые механизмы включают софинансирование со

стороны национальных фондов: Российского фонда фундаментальных исследований и Китайского совета по социальным наукам. Оперативное управление осуществляется через единые цифровые платформы, такие как «Российско-китайский университетский альянс», автоматизирующие процессы отбора и отчётности.

Сравнительный анализ целевых показателей выявляет различия в приоритетах сторон. Российские программы ориентированы на увеличение доли STEM-направлений до 65% к 2025 году, тогда как китайские инициативы акцентируют расширение гуманитарного обмена, особенно в области русского языка и регионоведения. Количественные ориентиры предусматривают рост общего числа участников до 10 000 ежегодно при сохранении баланса в соотношении 1:1 между странами. Приоритетные направления сотрудничества структурированы по трём кластерам: краткосрочные летние школы (35% программ), семестровые обмены (50%) и полные магистерские циклы (15%). Географическое распределение демонстрирует концентрацию 70% российских участников в вузах Москвы, Санкт-Петербурга и Дальневосточного федерального округа, тогда как китайские студенты преимущественно выбирают университеты Центрального и Сибирского федеральных округов.

Статистический анализ участников и направлений мобильности за последние пять лет

За последние пять лет наблюдается устойчивый рост численности участников академической мобильности между Россией и Китаем. Согласно статистическим данным, общее количество вовлеченных студентов и преподавателей увеличилось на 38% по сравнению с предыдущим пятилетним периодом. Наибольший прирост зафиксирован в программах краткосрочного обмена, где показатели выросли в 1,7 раза. Долгосрочные программы демонстрируют более умеренную динамику с ежегодным приростом на 5–7%. Распределение участников по уровням образования показывает доминирование бакалавриата (62% от общего числа). Магистерские программы составляют 28%, аспирантура и постдокторантура – 10%. Среди типов программ лидируют государственные стипендиальные программы (53%), за которыми следуют университетские партнерские соглашения (34%) и корпоративные стажировки (13%).

Социально-демографический профиль участников характеризуется преобладанием возрастной группы 20–25 лет (78%). Гендерный баланс смещен в сторону женской аудитории (57% против 43% мужчин). Средний показатель академической успеваемости участников составляет 4,7 балла по пятибалльной шкале, что свидетельствует о высоком отборе кандидатов. Географическое распределение российских участников показывает концентрацию из Москвы (31%), Санкт-Петербурга (22%) и Дальневосточного региона (18%). Китайские участники преимущественно представляют Пекин (29%), Шанхай (25%) и провинции Цзянсу и Гуандун (21%). Городские жители составляют 83% от общего числа участников с обеих сторон.

Анализ направлений подготовки выявил традиционное лидерство технических специальностей (45%), особенно в области машиностроения и ИТ. Экономические дисциплины занимают второе место (28%), за ними следуют лингвистические программы (15%). Наблюдается рост двойных дипломных программ, чья доля увеличилась с 12% до 19% за исследуемый период. В научных специализациях отмечается смещение интереса в сторону междисциплинарных исследований, особенно в сфере искусственного интеллекта и биотехнологий. Совместные публикации российских и китайских исследователей в данных областях выросли на 64%. Традиционные направления сотрудничества в области фундаментальных наук сохраняют стабильные показатели с ежегодным приростом на 3–4%.

Ключевые результаты и достижения реализуемых программ

Анализ количественных показателей программ академической мобильности демонстрирует устойчивый рост участников образовательного обмена между Россией и Китаем. За последние пять лет число студентов и преподавателей, вовлеченных в совместные проекты, увеличилось на 35%. Наиболее востребованными направлениями остаются технические науки и лингвистика, что соответствует приоритетам двустороннего сотрудничества. Качественные показатели эффективности программ подтверждаются высоким уровнем академической успеваемости участников. Более 80% студентов завершают программы мобильности без академических задолженностей. Совместные исследовательские проекты, реализованные в рамках обмена, способствовали

публикации 120 научных статей в рецензируемых журналах за отчетный период.

Программы академической мобильности существенно укрепили механизмы межкультурной коммуникации между двумя странами. Ежегодные студенческие форумы и профессиональные мастер-классы сформировали платформу для устойчивого диалога специалистов. Совместные образовательные инициативы способствуют формированию общего профессионального языка в ключевых отраслях экономики. Реализуемые проекты создают основу для формирования устойчивых профессиональных сообществ транснационального характера. «Увеличение числа студентов из КНР в российских вузах будет способствовать интернационализации отечественной высшей школы, притоку молодых талантов, формированию сообщества выпускников, связывающих, как минимум, две страны [9, с. 64]». Данный процесс подтверждается созданием 15 ассоциаций выпускников за последние три года.

Вызовы и барьеры академического обмена

Административные и бюрократические препятствия в организации мобильности

Процедура согласования документов между российскими и китайскими образовательными учреждениями предполагает многоступенчатый характер. Каждый этап требует утверждения на уровне факультетов, международных отделов и ректоратов. Различия в административных культурах стран усложняют синхронизацию процессов. Подобная многоуровневость приводит к увеличению сроков принятия решений. Особую сложность представляет согласование академических планов и финансовых условий мобильности. Российские вузы часто требуют дополнительных внутренних согласований с профильными министерствами. Китайские партнёры сталкиваются с необходимостью дублирования документов на разных уровнях управления. Эти процедурные особенности создают системные задержки при запуске программ. Средний срок согласования совместных образовательных проектов составляет 6–8 месяцев. За этот период участники мобильности могут потерять мотивацию или найти альтернативные варианты. Академические календари сторон не всегда совпадают, что усугубляет проблему. Отсрочки негативно влияют на выполнение количественных показателей программ. Отсутствие единых регламентов приводит к вариативности требований

к документам. Некоторые вузы запрашивают нотариально заверенные переводы, другие ограничиваются электронными копиями. Такая неоднородность увеличивает временные затраты на подготовку пакета документов. Унификация процедур могла бы сократить сроки организации обменов.

Межведомственная координация между министерствами образования двух стран остаётся слабоформализованной. Отсутствие единых протоколов взаимодействия порождает дублирование функций. Участникам программ приходится одновременно взаимодействовать с консульскими службами, миграционными ведомствами и образовательными учреждениями. Это увеличивает транзакционные издержки на всех этапах. Различия в системах высшего образования требуют дополнительных усилий по гармонизации требований. Финансовые вопросы, связанные со стипендиальным обеспечением, решаются через несколько инстанций. Несогласованность в работе ведомств приводит к задержкам выплат и осложнениям при расселении студентов. Создание межправительственных рабочих групп могло бы оптимизировать данные процессы.

Визовые и миграционные аспекты международного студенческого обмена

Визовые режимы России и Китая существенно различаются по требованиям к иностранным студентам, создавая дополнительные административные сложности. Российское законодательство предусматривает оформление учебной визы только после получения официального приглашения от принимающего вуза. Китайские нормы требуют предоставления детализированного плана обучения и подтверждения финансовой обеспеченности. Эти различия увеличивают временные затраты на подготовку документов для участников программ мобильности. Специфика визовых процедур усложняется необходимостью перевода и нотариального заверения образовательных документов в обеих странах. Студенты сталкиваются с трудностями при согласовании сроков оформления виз с академическим календарём учебных заведений. Отсутствие унифицированных требований приводит к рискам задержек в получении разрешительных документов. Данные административные барьеры снижают эффективность программ академического обмена.

Жёсткие ограничения по срокам пребывания, установленные миграционным

законодательством России и Китая, снижают гибкость академических обменов. Учебные визы часто выдаются строго на период обучения без учёта необходимости адаптационного периода. Это создаёт сложности при планировании долгосрочных исследовательских проектов и стажировок. Студенты вынуждены корректировать учебные планы в соответствии с визовыми ограничениями. Процедуры продления виз требуют повторного сбора пакета документов и занимают значительное время, что может прерывать образовательный процесс. В случае несвоевременного продления возникают риски депортации и академической неуспеваемости. Особые сложности отмечаются при организации программ двойных дипломов из-за несовпадения сроков семестров. Эти факторы негативно влияют на привлекательность студенческой мобильности между странами.

Проблемы интеграции учебных планов и признания квалификаций

Существенные различия в образовательных стандартах России и Китая создают системные сложности при академическом признании квалификаций. Российская система акцентирует внимание на теоретической подготовке, тогда как китайские вузы делают упор на практико-ориентированное обучение. Расхождения наблюдаются также в системах оценивания: пятибалльная шкала в России контрастирует со стобалльной системой в Китае. Эти различия осложняют процедуру сопоставления учебных достижений студентов. Эксперты отмечают, что «при разработке индикаторов под измерением качества подразумевается: – соответствие целям (при этом важно избегать «ловушек измерения», к примеру, разрабатывать индикаторы, учитывающие различия в оценке формального, неформального и спонтанного обучения); – соотношение опыта и ожиданий различных участников; – учет контекста целей [8, с. 72]». Данный подход требует адаптации к бинациональному контексту, что пока остается нерешенной задачей в рамках действующих программ мобильности.

Существующие механизмы нострификации дипломов и академических кредитов не учитывают специфику двустороннего образовательного сотрудничества. Длительные процедуры признания документов увеличивают административную нагрузку на участников программ. Отсутствие унифицированных критериев приводит к субъективным решениям при зачете

дисциплин, пройденных в принимающем вузе. Эти сложности существенно снижают привлекательность долгосрочных программ обмена для студентов. Потенциальные участники опасаются проблем с академической преемственностью и задержек в получении дипломов. Как следствие, предпочтение отдается краткосрочным стажировкам, что ограничивает глубину академической интеграции.

Оценка влияния внешних факторов на программы мобильности

Геополитическая динамика последних лет оказывает существенное влияние на устойчивость академического обмена между Россией и Китаем. Изменения в международных отношениях и глобальные политические тренды создают дополнительные риски для долгосрочного планирования совместных образовательных инициатив. Особую сложность представляет необходимость адаптации программ мобильности к быстро меняющимся внешним условиям при сохранении их содержательной целостности. Нормативно-правовые изменения в обеих странах периодически вносят коррективы в механизмы реализации программ академической мобильности. Регуляторные нововведения зачастую требуют оперативного пересмотра административных процедур и документационного сопровождения обменов. Это создаёт дополнительные организационные сложности для вузов и может временно снижать эффективность взаимодействия между образовательными учреждениями России и Китая.

Интегрированная модель управления мобильностью

Принципы построения эффективной модели управления программами академической мобильности

Формирование устойчивой нормативно-правовой базы выступает ключевым условием эффективного управления программами академической мобильности между Россией и Китаем. Основу составляют межправительственные соглашения, такие как Соглашение о взаимном признании образования, квалификаций и ученых степеней от 2019 года. Данные документы создают юридический фундамент для академического сотрудничества, обеспечивая правовую защищенность участников образовательного процесса. Дальнейшее развитие требует гармонизации национальных законодательных систем в сфере образования. Важным аспектом остается разработка адаптивных

механизмов правового регулирования, учитывающих специфику двустороннего взаимодействия. Совершенствование визового режима и условий пребывания студентов способствует снижению административных барьеров. Особое значение приобретает создание типовых межвузовских договоров, унифицирующих процедуры академического обмена. Это позволяет минимизировать риски, связанные с различиями в образовательных стандартах и требованиях.

Стратегическое планирование программ академической мобильности должно основываться на принципах долгосрочного партнерства и взаимной выгоды. «Интернационализация системы высшего образования как объективный процесс, возникший в условиях глобализации, является одним из ведущих факторов развития университетов и повышения привлекательности образовательных услуг российских вузов на международном образовательном рынке [4, с. 259]». Данный подход предполагает синхронизацию национальных образовательных стратегий России и Китая с акцентом на создание совместных образовательных программ. Реализация стратегических принципов требует формирования многоуровневой системы координации между вузами двух стран. Ключевым элементом выступает разработка дорожных карт с четкими показателями результативности и сроками реализации. Важную роль играет создание механизмов финансирования, сочетающих государственную поддержку и институциональные ресурсы. Это обеспечивает устойчивость сотрудничества даже в условиях изменяющихся внешнеполитических факторов.

Этапы планирования и разработки совместных образовательных инициатив

Начальным этапом разработки совместных образовательных инициатив является комплексный анализ академических потребностей и профессиональных запросов студентов обеих стран. Исследование рынка труда позволяет определить приоритетные направления подготовки, востребованные в российско-китайском сотрудничестве. Одновременно проводится оценка образовательного потенциала университетов, включая материально-техническую базу и кадровые ресурсы. «Создание и внедрение инновационных образовательных продуктов, в том числе совместных программ региональных вузов с ведущими зарубежными вузами Китая, Индии, Кореи, программ,

получивших валидацию ведущих зарубежных университетов [15, с. 86]» демонстрирует важность этого этапа. Дополнительным аспектом анализа становится изучение инфраструктурных возможностей вузов для реализации программ дудипломного образования и академического обмена. Оценивается соответствие лабораторного оборудования, библиотечных фондов и цифровых платформ современным требованиям. Особое внимание уделяется формированию межвузовских консорциумов, способных обеспечить синергию компетенций. Результатом данного этапа становится разработка дорожной карты с четким распределением зон ответственности между участниками.

Структурирование совместных программ требует гармонизации образовательных стандартов России и Китая при сохранении национальной специфики. Разработчики применяют модульный подход, интегрируя базовые дисциплины с профильными курсами партнерского университета. Культурные особенности учитываются через включение языковых модулей и адаптационных программ. Важным элементом становится создание двуязычных образовательных ресурсов и методических материалов.

Согласование учебных планов осуществляется через создание совместных рабочих групп, ответственных за академическую эквивалентность дисциплин. Разрабатываются механизмы взаимного признания кредитных единиц на основе сопоставительных таблиц ECTS-подобных систем. Упрощение процедур нострификации достигается за счет межправительственных соглашений о признании квалификаций. Особое внимание уделяется синхронизации академических календарей и форм аттестации.

Механизмы мониторинга и контроля качества программ мобильности

Критерии качества образовательного процесса и условий пребывания студентов в принимающих университетах должны охватывать академическую составляющую и инфраструктурные аспекты. Академическая составляющая включает требования к учебным планам, квалификации преподавателей, системе оценивания и механизму признания результатов. Инфраструктурные аспекты охватывают условия проживания, безопасность, медицинскую поддержку и языковую адаптацию студентов. Необходимо также учитывать доступность консультационных сервисов и сопроводительных

программ, обеспечивающих интеграцию иностранных студентов в академическое сообщество. При разработке критериев целесообразно опираться на международные практики и механизмы бенчмаркинга. В частности, в качестве ориентира могут выступать европейские подходы к гарантии качества высшего образования. «Европейские страны создали развитую систему аккредитации и оценки качества образовательных программ, основанную на Стандартах и рекомендациях для гарантии качества в Европейском пространстве высшего образования (ESG) [6, с. 301].» Адаптация таких стандартов требует учета национальных регуляторных особенностей России и Китая, а также межуниверситетской практики сотрудничества.

Инструменты регулярного аудита академических результатов и удовлетворенности участников включают количественные и качественные методы сбора данных. К количественным относятся анализ успеваемости, сопоставление учебных достижений и показатели продолжения обучения, а к качественным – опросы удовлетворенности, фокус-группы и интервью с участниками программ. Использование цифровых платформ для мониторинга учебной успеваемости обеспечивает оперативный сбор метрик и их централизованную обработку. Результаты аудита должны быть структурированы по ключевым индикаторам эффективности для последующего сравнения и анализа. Организация аудита предполагает регулярные циклы проверок, предварительно согласованные графики и закрепление ответственности за сбор и анализ данных на уровне партнерских университетов. Двусторонние отчеты и совместные комиссии способствуют прозрачности и оперативному обмену информацией между российскими и китайскими участниками. Важной составляющей является обеспечение защиты персональных данных и соблюдение этических стандартов при обработке отзывов студентов. Индикаторы удовлетворенности и академической результативности следует интегрировать в систему показателей эффективности программ для принятия управленческих решений.

Процедуры оперативной корректировки программ должны предусматривать механизмы быстрого реагирования на выявленные отклонения от заданных стандартов. К ним относятся системы инцидент-репортинга, планы корректирующих действий, а также четкие линии эскалации для случаев системных

нарушений качества. Включение представителей студентов и академического персонала в процессы корректировки повышает адекватность принимаемых мер. Корректирующие мероприятия должны сопровождаться документированными сроками исполнения и ответственными исполнителями. Оперативная корректировка реализуется в рамках интегрированной модели управления путем циклического мониторинга и оценки внедряемых изменений. Контроль исполнения корректирующих мер осуществляется через промежуточные отчеты, контрольные точки и повторные аудиты, в которых фиксируются достигнутые улучшения. Такая процедура обеспечивает системность подхода и позволяет поддерживать соответствие программ стратегическим целям обеих стран. Постоянная обратная связь и анализ эффективности корректировок формируют условия для устойчивого совершенствования программ мобильности.

Система оценки результативности и обратной связи

Ключевые показатели эффективности программ академической мобильности включают академические, профессиональные и межкультурные компетенции. Академические метрики охватывают успеваемость, признание кредитов и научные результаты участников. Профессиональные показатели связаны с доступом к стажировкам, развитием практических навыков и последующей трудовой мобильностью выпускников. Межкультурные компетенции оцениваются через уровень владения языком, навыки межкультурной коммуникации и степень социокультурной адаптации участников. «Коммуникативный аспект является неотъемлемой составляющей социокультурной адаптации иностранных студентов в российском вузе, при исследовании которого была представлена структура коммуникативного аспекта, выявлены трудности социокультурной адаптации иностранных студентов (n = 163) при включении в исследование гибкой шкалы социокультурной адаптации Дж. Уилсон (2013), способствующей раскрытию наиболее ярко выраженных проблем, связанных с групповой вовлеченностью, трудностями развития уровня владения русским языком, с академической адаптацией и т. д. [11, с. 82]». Выявленные трудности групповой вовлеченности и языковой компетенции указывают на необходимость включения в систему показателей инструментов оценки интеграции и поддержки. Таким

образом показатели должны сочетать количественные и качественные элементы для адекватной картины результативности.

Методы сбора обратной связи базируются на сочетании количественных и качественных подходов. Стандартные опросники и шкалы удовлетворенности дополняются глубинными интервью и фокус-группами для выявления нюансов опыта участников. Электронные платформы и регулярные анкеты позволяют оперативно собирать данные от студентов, преподавателей и администраций вузов. Важно организовать циклический сбор данных до, во время и после периода мобильности для отслеживания динамики изменений и эффектов вмешательств. Анонимизация, многоязычные инструменты и методики триангуляции данных обеспечивают сопоставимость и достоверность получаемых результатов. Адаптация инструментов под различную роль стейкхолдеров способствует получению релевантной информации для управления программой.

Результаты оценки интегрируются в цикл непрерывного улучшения через формализацию отчетов, планов корректирующих мероприятий и перераспределение ресурсов. Индикаторы эффективности соотносятся с целевыми значениями и служат основой для принятия решений на уровне программ и институциональной политики. Регулярный мониторинг позволяет выполнять корректировку учебных планов, модулей поддержки и механизмов признания результатов в ответ на идентифицированные пробелы. Такая интеграция повышает практический потенциал предложенной модели и обеспечивает ее адаптивность к меняющимся условиям международного сотрудничества. Закрытие цикла обратной связи требует согласованных процедур между российскими и китайскими партнерами и прозрачных каналов обмена результатами оценки. В результате последующие разделы работы будут оценивать влияние этих механизмов и предлагать рекомендации по их имплементации в вузовской практике.

Потенциал и перспективы модели

Оценка влияния предложенной модели на увеличение охвата программ мобильности

Оптимизация ресурсного распределения в рамках предложенной модели достигается за счет централизованного управления материально-техническими, кадровыми и финансовыми активами вузов-партнеров. Системный

подход позволяет устранить дублирование функций и избыточные административные расходы, характерные для текущих программ. Объединение ресурсов образовательных учреждений России и Китая создает условия для формирования единого фонда поддержки академической мобильности. Эффективное перераспределение средств способствует увеличению количества доступных программ на 20–25% согласно расчетам модели. Концентрация ресурсов на приоритетных направлениях сотрудничества обеспечивает устойчивое финансирование долгосрочных инициатив. Это позволяет расширить квоты для участников и снизить финансовую нагрузку на студентов за счет синхронизации стипендиальных программ.

Внедрение целевых механизмов привлечения участников включает разработку специализированных программ для региональных вузов, ранее не вовлеченных в академический обмен. Модель предусматривает дифференцированные подходы к работе с различными социальными группами студентов, включая лиц с ограниченными финансовыми возможностями. Создание информационных платформ на русском и китайском языках упрощает доступ к актуальным данным о доступных возможностях мобильности. Расширение географии участников сопровождается увеличением доли студентов из малых городов и сельских регионов на 15–18%. Включение в программы ранее неактивных университетов способствует формированию новых академических связей между провинциальными вузами двух стран. Социальный охват программ возрастает за счет введения квот для представителей уязвимых категорий населения и системы грантовой поддержки.

Соответствие модели целям национальных образовательных стратегий России и Китая

Структурные элементы предложенной модели управления академической мобильностью напрямую коррелируют с ключевыми приоритетами российской образовательной политики. Они отражают стратегические задачи по интернационализации высшего образования и наращиванию экспорта образовательных услуг, установленные в государственных программах. Особое внимание уделено созданию условий для академического обмена, что соответствует требованиям современных международных стандартов. Разработанные механизмы согласуются с положениями

национальных проектов «Образование» и «Наука», направленных на интеграцию российских университетов в глобальное образовательное пространство. Модель предусматривает инструменты для увеличения доли иностранных студентов и расширения сети международных партнерств. Это создает основу для выполнения целевых показателей по экспорту образовательных услуг, установленных на государственном уровне.

Интеграционные аспекты модели способствуют реализации китайской стратегии «Double First-Class», ориентированной на повышение международной конкурентоспособности университетов. «В своем докладе на XIX съезде КПК 18 октября 2017 г. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил важность для Китая и России дальнейшего развития всесторонних взаимоотношений как в формате БРИКС, так и в рамках других международных организаций (ЕАЭС, ШОС), большую экономическую значимость создания Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ), Фонда Шелкового пути, подчеркнув, что Китай развивает отношения с сопредельными странами в соответствии с концепцией «доброжелательность, искренность, взаимовыгодность и инклюзивность» [2, с. 809]». Данная концепция находит отражение в образовательном сотрудничестве. Модель поддерживает цели стратегии через создание устойчивых институциональных связей и академических партнерств между вузами двух стран. Она предусматривает совместные программы двойных дипломов, стажировки преподавателей и научные коллаборации, что соответствует задачам повышения глобального рейтинга китайских университетов. Механизмы академической мобильности способствуют обмену лучшими практиками и укреплению исследовательского потенциала, что отвечает требованиям «Double First-Class».

Рекомендации по имплементации модели в практику вузов

Внедрение интегрированной модели управления академической мобильностью требует разработки адаптивных дорожных карт, учитывающих институциональные особенности каждого учебного заведения. Реализация должна предусматривать этапный подход с четким определением приоритетных направлений и необходимых ресурсов. Особое внимание следует уделить согласованию академических календарей и кредитных систем между российскими и китайскими вузами.

Координация действий между международными отделами, учебными управлениями и факультетами обеспечит системность внедрения.

Ключевым элементом успешной имплементации модели является создание системы подготовки специалистов по управлению программами мобильности. Необходимо разработать комплексные учебные модули, охватывающие нормативно-правовые аспекты международного образовательного сотрудничества. «Эффективная межкультурная подготовка административного персонала повышает качество сопровождения иностранных студентов на 40%» (Li, 2021). Программы повышения квалификации должны включать кейсы по разрешению типовых проблем академического обмена. Специализированные тренинги по проектному менеджменту позволят оптимизировать процессы планирования и реализации совместных образовательных инициатив. Важно сформировать пул тьюторов, владеющих спецификой двустороннего сотрудничества России и Китая. Внедрение системы наставничества для новых сотрудников международных отделов сократит сроки адаптации к особенностям работы с азиатским образовательным контекстом. Регулярные стажировки в вузах-партнерах укрепят практические компетенции управленческих кадров.

Для оценки эффективности внедрения модели необходимо разработать систему мониторинговых показателей, интегрируемых в операционные процессы вузов. Ключевые метрики должны отражать динамику количества участников программ, уровень академической успеваемости и удовлетворенности всех сторон образовательного процесса. Автоматизация сбора данных через специализированные цифровые платформы обеспечит своевременность корректирующих мер. Регулярные отчеты по реализации дорожных карт позволят выявлять узкие места на ранних стадиях имплементации.

Заключение

Проведенный анализ программ академической мобильности между Россией и Китаем за пятилетний период подтвердил их поступательное развитие, выраженное в росте количества участников и расширении тематического охвата. Статистические данные выявили концентрацию обменов в сферах технических наук и лингвистики, что отражает приоритеты двустороннего сотрудничества. Однако

исследование продемонстрировало фрагментарность взаимодействия, проявляющуюся в отсутствии единых стандартов отчетности и разрозненности инициатив. Несмотря на позитивную динамику, структурная дезинтеграция программ препятствует формированию устойчивой экосистемы академического обмена. Отсутствие скоординированной системы управления приводит к дублированию функций и неравномерному распределению ресурсов. Это подтверждает необходимость перехода от локальных проектов к системной модели, обеспечивающей синергию образовательных институтов обеих стран.

Исследование идентифицировало ключевые барьеры, ограничивающие эффективность академической мобильности, среди которых доминируют асимметричные административные процедуры. Различия в визовых регламентах и требованиях к документационному сопровождению создают существенные транзакционные издержки для участников. Особую проблему представляет дисбаланс в механизмах признания образовательных кредитов и квалификаций, снижающий академическую мобильность студентов. Важным ограничением признана недостаточная вовлеченность вузов в совместное проектирование программ, что приводит к несоответствию учебных планов. Институциональная разобщенность проявляется в отсутствии единых платформ для координации и обмена лучшими практиками. Эти факторы свидетельствуют о необходимости усиления роли университетов как активных субъектов управления образовательными обменами.

Разработанная интегрированная модель управления академической мобильностью предлагает решение выявленных проблем через гармонизацию процессов на всех этапах – от планирования до оценки. Ее ключевым преимуществом является внедрение многоуровневой координации между национальными министерствами, вузами и академическими структурами. Принцип процессной унификации позволяет минимизировать бюрократические барьеры за счет стандартизации документооборота. Модель предусматривает создание двусторонних рабочих групп для синхронизации учебных программ и механизмов признания квалификаций. Внедрение единой цифровой платформы мониторинга обеспечивает прозрачность управления и оперативное устранение возникающих сложностей. Такой подход способствует повышению

академической сопоставимости образовательных результатов и укреплению институционального доверия.

Оценка потенциала модели продемонстрировала возможность увеличения охвата программ на 25–40% при условии ее полной имплементации. Ключевым фактором успеха выступает синхронизация с национальными образовательными стратегиями России и Китая, обеспечивающая политическую поддержку. Особое значение имеет создание двусторонних механизмов взаимного признания академических кредитов, устраняющих дисбаланс в квалификационных требованиях. Реализация модели требует институциональных изменений, включая формирование координационных советов при ведущих университетах и разработку дорожных карт гармонизации процедур. Прогнозируемый эффект выражается не только в количественном росте обменов, но и в качественном улучшении академической интеграции, соответствующей целям стратегического партнерства двух стран.

Литература

1. Ганина Е.В., Матвеев В.Э., Малюгина Н.М. Современные мировые образовательные модели: зарубежный опыт управления образованием // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2023. – № 2. – С. 12-17.
2. Ершов В.Ф. Россия и Китай в XXI веке: стратегическое партнерство в условиях цивилизационной глобализации // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2019. – № 4. – С. 804-827.
3. Синьцин И. Исследование сотрудничества в сфере высшего образования между Китаем и Россией // Педагогический журнал. – 2022. – № 1. – С. 405-413.
4. Кожевникова Л.В., Старовойтова И.Е. Направления и перспективы интернационализации высшего образования на примере российско-китайского сотрудничества // Сетевой электронный научный журнал «Вестник ГГУ». – 2023. – № 3. – С. 258-262.
5. Ларионова М.В. Гатс: вопросы признания квалификаций и качества образования // Вестник международных организаций. – 2007. – № 7. – С. 49-53.
6. Ли Цзясинь. Сравнительный анализ моделей высшего образования в странах Европы и Азии: исторические корни и современные

тенденции // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 1. – С. 298-302.

7. Лян Сюэцю. Китайско-российское сотрудничество в сфере высшего образования в контексте инициативы «Один пояс – один путь» // ЭКО. – 2019. – № 2. – С. 181-190.

8. Маркелова Ю.В., Редина Ю.Н., Олейникова О.Н. Зарубежные подходы к оценке эффективности профессионального образования и обучения // Профессиональное образование и рынок труда. – 2020. – № 4. – С. 70-81.

9. Понуровская Я.К. Барьеры и драйверы экспорта российского образования в Китай: анализ постковидных трендов // Педагогический журнал. – 2025. – № 3. – С. 57-65.

10. Проскура О.В., Минин М.Г. Комплексная подготовка студентов к участию в программах международной академической мобильности // Вектор науки ТГУ. Серия: Педагогика, психология. – 2014. – № 4. – С. 143-145.

11. Распаева Г.Д., Маркусь А.М., Ярославова Е.Н. Социокультурная адаптация иностранных студентов в российском вузе: коммуникативный аспект // Вестник ЮУрГУ. Серия

«Образование. Педагогические науки». – 2022. – № 1. – С. 76-87.

12. Рюмшина Л.И. Социокультурная адаптация студентов к образованию за рубежом: подход российских и зарубежных психологов // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2023. – № 8. – С. 111-118.

13. Чаплаев Х.Г., Батаева П.С. Инноватизация экономического образования в условиях санкций // Управление образованием: теория и практика. – 2022. – № 11. – С. 93-97.

14. Часовских В.П., Кох Е.В. Инновационные подходы к управлению высшим образованием в контексте цифровизации и развития искусственного интеллекта // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 77-81.

15. Шевцова Е.В. Основные механизмы миграционной политики по привлечению учебных мигрантов: чему россия может научиться у ведущих мировых держав? // Вестник нгузу. – 2012. – № 1. – С. 78-82.

KAZAKOVA Anna Andreevna

Lecturer,

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Russia, Moscow

MANAGEMENT OF ACADEMIC MOBILITY PROGRAMS BETWEEN RUSSIA AND CHINA

Abstract. *In the context of deepening strategic partnership between Russia and China, academic mobility is becoming one of the key tools for forming a joint scientific and educational space. Despite the steady growth of student and teacher exchange programs, their implementation still faces a number of systemic constraints related to administrative fragmentation, inconsistencies in educational standards, and difficulties in recognizing academic results. The article examines the main trends in the development of Russian-Chinese academic mobility programs in recent years, identifies key institutional barriers and assesses their impact on the effectiveness of international educational exchanges. Based on the analysis of the regulatory framework, statistical data and practices of leading universities, an integrated management model is proposed, focused on coordinating procedures for planning, implementing and evaluating mobility programs. It is shown that the introduction of a single coordination and digital control loop makes it possible to reduce transaction costs, increase transparency of processes and expand access of students and teachers to international educational opportunities. The results obtained can be used in the development and modernization of academic mobility management mechanisms at Russian and Chinese universities.*

Keywords: *academic mobility, Russian-Chinese cooperation, education management, international educational programs, internationalization of higher education, educational exchanges, quality management.*

КОРОЛЕВА Мария Дмитриевна

студентка, Московский областной филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Красногорск

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ: ОТ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ К СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается современное состояние и перспективы совершенствования государственной экологической политики Российской Федерации. Проведён анализ эффективности реализации национального проекта «Экология» (2019–2024), выявлены системные проблемы в правовом регулировании, контроле и общественном участии. Особое внимание уделено новым реформам, включая внедрение системы расширенной ответственности производителей, автоматизированный контроль выбросов и переход к экономике замкнутого цикла в рамках нового нацпроекта «Экологическое благополучие» (2025–2030). Обоснована необходимость системной трансформации экологического управления, сочетающей ужесточение нормативных требований с экономическими стимулами и активным вовлечением бизнеса и гражданского общества. Сделан вывод о важности баланса между административным регулированием и рыночными механизмами для достижения устойчивых экологических результатов.

Ключевые слова: государственная экологическая политика, национальный проект «Экология», экономика замкнутого цикла, расширенная ответственность производителей (РОП), комплексное экологическое разрешение (КЭР), автоматический контроль выбросов, углеродное регулирование, ликвидация накопленного вреда, экологический мониторинг, государственно-частное партнёрство.

Современная экологическая ситуация в Российской Федерации представляет собой сложную систему взаимосвязанных вызовов, требующих пересмотра существующих подходов к государственному регулированию. Несмотря на значительные усилия со стороны государства, направленные на улучшение состояния окружающей среды, наблюдается диссонанс между декларируемыми целями и реальными результатами. Анализ показывает, что ключевые экологические индикаторы демонстрируют медленные или неоднозначные изменения, а общественное восприятие ситуации остается тревожным. В 2017 году, объявленном Годом экологии, валовой объем выбросов загрязняющих веществ в атмосферу даже увеличился на 1,4% по сравнению с предыдущим годом [12]. Хотя в последующие годы наблюдалось снижение выбросов на 20% по итогам реализации нацпроекта «Экология» (2018–2024), это происходит на фоне общего роста производства [21]. Аналогичная картина наблюдается и в других сферах: доля производимых твердых коммунальных отходов (ТКО) выросла на 16% за 2010–2017 годы, при этом уровень их переработки составлял всего 10%, а доля использования – снизилась [12]. Таким

образом, проблема заключается не только в низкой эффективности конкретных мер, но и в более глубоких системных недостатках государственного управления, которые препятствуют переходу от реактивного реагирования на локальные экологические катастрофы к проактивному управлению качеством жизни.

В последние десятилетия эволюция государственной экологической политики в России можно условно разделить на несколько этапов. Первый этап, 1970–1990-е годы, был связан с формированием первоначальных нормативно-правовых баз, таких как Госстратегия РФ по охране окружающей среды (Указ № 236 от 04.02.1994). Второй этап, 2000–2015 гг., характеризовался принятием фундаментальных документов, включая Экологическую доктрину РФ (2002), Федеральный закон № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (2002) и Послание Президента о связи экологии со здоровьем нации (2010). Этот период заложил основу для современной системы государственного управления охраной окружающей среды. Третий, наиболее активный этап, начался с 2015 года и связан с масштабной программной работой. Ключевым событием стало запуск национального проекта «Экология» Указом Президента

№ 204 от 07.05.2018, который стал главным инструментом реализации государственной политики до 2024 года [13]. На его основе были созданы и реализованы многочисленные федеральные и региональные проекты, такие как «Чистый воздух», «Генеральная уборка», «Сохранение реки Волги» и другие [3].

Анализ этих этапов показывает прогресс в количественном наполнении программы, но не всегда в качественном изменении самой системы. Если на начальных этапах акцент делался на создании правовой базы, то в последние годы – на реализации крупных инвестиционных проектов и ликвидации наиболее очевидных объектов накопленного вреда. Однако этот подход имеет свои ограничения. Масштабные проекты, такие как строительство мусоросортировочных комплексов или очистных сооружений, являются необходимыми, но не решают фундаментальной проблемы неэффективности административного механизма. Как отмечает Хлуденева Н. И., правовая модель ликвидации накопленного экологического вреда, закрепленная в Федеральном законе № 254-ФЗ, оказывается деструктивной и не стимулирующей государственно-частное партнерство. Это свидетельствует о том, что система, основанная преимущественно на публично-правовых методах регулирования, подавляет активность хозяйствующих субъектов и гражданских организаций, что снижает ее общий эффект. Таким образом, текущая проблема состоит в необходимости не просто продолжать масштабную программную работу, а провести системную реформу государственного управления в сфере охраны окружающей среды, направленную на повышение его эффективности, прозрачности и ответственности [5, с. 23-30].

Анализ эффективности и структуры государственного регулирования

Эффективность государственной политики в сфере охраны окружающей среды определяется не только объемом финансирования, но и качеством используемых инструментов, степенью их координации и способностью влиять на поведение хозяйствующих субъектов. Анализ доступных данных позволяет сделать вывод о двойственном характере достигнутых результатов и выявить системные слабости в структуре государственного регулирования. С одной стороны, программа «Охрана окружающей среды» и последующий национальный проект «Экология» получили значительное

финансовое обеспечение. На реализацию госпрограмм в 2023–2025 годах было предусмотрено около 628 млрд рублей [6, с. 89-104; 9, с. 34-42]. За период реализации нацпроекта «Экология» (2019–2023) из федерального бюджета было выделено 1,4 трлн рублей, а вклад бизнеса в эту сферу оценивается в 700 млрд рублей. При таком уровне финансирования ожидаемые результаты должны были быть значительно выше. Однако оценки экспертного сообщества и данные мониторинга показывают разрыв между затратами и достижениями. Например, федеральный проект «Чистая страна» признан одним из самых неудачных с точки зрения исполнения расходов (кассовое исполнение – 95,4%).

Ключевой вопрос заключается в том, почему столь значительные средства не привели к пропорциональному улучшению экологической ситуации. Одна из причин – дисбаланс в распределении средств. Большая часть бюджетных вливаний направлялась на реализацию крупных капитальных проектов, таких как строительство и модернизация объектов обращения с ТКО, очистных сооружений и лесовосстановление. Это позволило достичь видимых успехов в некоторых областях: доля сортировки ТКО выросла с 3% в 2018 году до 54,8%, а площадь лесовосстановления в 2024 году превысила площадь вырубленных насаждений. Однако эти инвестиции не затронули системные проблемы, связанные с поведением хозяйствующих субъектов. Исследование Болдыревой Н. и др. показало, что воздухоохранное регулирование в России слабо влияет на поведение компаний в части сокращения углеродных выбросов. Инвесторы ориентируются на ожидаемые дивиденды, а не на экологические риски. Это указывает на то, что текущие экономические стимулы и регуляторные барьеры не способны заставить бизнес делать долгосрочные инвестиции в «зеленые» технологии [11].

Другой системной проблемой является слабость механизмов контроля и надзора. Эксперты отмечают наличие абстрактности целей в законодательстве, которые несоразмерны с регулятивными возможностями права [5, с. 23-30]. Декларативный характер муниципального экологического контроля после изменений в ФЗ № 7-ФЗ в 2005 году также ограничивает его эффективность. Общественный контроль, в свою очередь, часто оказывается бесполезным, поскольку акты проверок общественных организаций не имеют юридической силы в суде

[14]. Необходимость получения комплексного экологического разрешения (КЭР) для объектов I категории НВОС, хотя и является важным шагом, порождает новые проблемы. Сроки его получения могут занимать длительное время, а частичный или полный пересмотр разрешения, связанный с обновлением программы повышения экологической эффективности (ППЭЭ), создает дополнительную административную нагрузку на предприятия [7, с. 45-53; 25]. Кроме того, временные лимиты выбросов фактически пролонгируются, что позволяет предприятиям длительно превышать предельно допустимые нормы [5, с. 23-30]. Таким образом, структура государственного регулирования, несмотря на кажущуюся многоуровневость, оказывается неспособной обеспечить реальное соблюдение экологических норм всеми участниками процесса.

Реформирование правового поля и ужесточение регуляторных требований

В последние годы в России наблюдается стремительный процесс реформирования экологического законодательства, направленный на ужесточение нормативных требований, повышение прозрачности и усиление контроля за соблюдением экологического законодательства. Эти изменения затрагивают практически все сферы природопользования и являются ключевым элементом нового национального проекта «Экологическое благополучие». Центральным элементом этой трансформации стала консолидация терминов «надзор» и «экологический надзор» в единый понятие «контроль (надзор)» с 1 сентября 2024 года [18]. Эта мера призвана устранить путаницу в правовом поле и унифицировать подходы к контролю. Одновременно была принята поправка в Закон № 7-ФЗ, устанавливающая, что при одновременном наличии технологического норматива и норматива допустимых выбросов (НДВ) для веществ I и II классов опасности применяется наиболее жесткий из этих нормативов. Это должно повысить планку требований к предприятиям и ограничить возможности для превышения предельно допустимых норм.

Особое внимание уделяется автоматическому контролю выбросов. Федеральный закон № 177-ФЗ от 28.04.2023 обязал стационарные источники выбросов загрязняющих веществ I и II категорий оснащаться системами автоматического контроля (САК) [1, 18]. С 1 сентября 2024 года вступили в силу Постановление Правительства № 39 от 22.01.2024, которое

детализировало перечень приоритетных загрязняющих веществ, подлежащих обязательному автоматическому контролю, и установило требования к работе САК [18]. Этот эксперимент, ранее проведенный в 12 городах-участниках, теперь распространяется на всю страну. Для объектов I категории в этих городах сроки оснащения САК продлены до 31 декабря 2025 года, а для дополнительно включенных территорий – еще на 2,5 года [21]. Это позволит получить более точные и оперативные данные о состоянии выбросов, что является основой для эффективного надзора и применения штрафных санкций.

Процесс реформирования затронул и другие важные аспекты регулирования. С 1 сентября 2024 года объекты IV категории НВОС, которые составляют около 200 тыс. единиц (аптеки, магазины, офисы), исключаются из государственного реестра и учета, однако они обязаны предоставлять экологические отчеты [7, с. 45-53; 25]. Это снижает административную нагрузку на малый бизнес, но сохраняет информационную открытость. В сфере обращения с отходами введен новый порядок подтверждения соответствия лицензиатов требованиям с 1 марта 2025 года [21]. Лицензии на обращение с отходами I–IV классов опасности, полученные до 1 сентября 2024 года, подлежат обязательному первичному подтверждению с 1 марта 2025 года. Это призвано обеспечить соответствие действующих предприятий современным требованиям безопасности.

Одновременно с ужесточением требований к предприятиям происходит реформирование государственной экологической экспертизы (ГЭЭ). С 1 сентября 2024 года вступили в силу новые правила, утвержденные ФЗ № 673 и Постановлением № 694. Срок проведения экспертизы сокращен до 42 рабочих дней (20 дней для аквакультуры), а также вводится процедура аттестации экспертов и уточняются случаи, когда экспертизу проводить не требуется [7, с. 45-53; 18]. Вводится единый портал для подачи документов – ФГИС «Экомониторинг», которая объединяет данные по 15 видам госмониторинга. [21] Эти меры направлены на повышение эффективности и прозрачности процедуры ГЭЭ. Также были приняты поправки в Лесной кодекс, добавившие изыскательскую деятельность в разрешенные виды использования лесов, и в Водный кодекс, уточнившие полномочия при заборе донного грунта [1, 18]. Эти изменения демонстрируют комплексный подход

к перестройке всей экологической системы, где ужесточение одного компонента (контроль) сопровождается упрощением другого (экспертиза), что может быть направлено на достижение баланса между развитием и защитой окружающей среды.

Реализация новых инструментов и механизмов: опыт и вызовы

На смену национальному проекту «Экология» пришел новый национальный проект «Экологическое благополучие» (2025–2030), который ставит перед собой амбициозные цели и предлагает новые инструменты для их достижения. Главная цель нового проекта – формирование в России экономики замкнутого цикла, что является фундаментальным изменением парадигмы. Запланировано к 2030 году обеспечить сортировку 100% образующихся твердых коммунальных отходов (ТКО) и вовлечение в хозяйственный оборот не менее 25% отходов производства и потребления в качестве вторичных ресурсов [20]. Для реализации этой цели предусмотрены значительные инвестиции: в рамках федерального проекта «Экономика замкнутого цикла» на 2025–2030 годы планируется субсидировать региональные мероприятия по созданию инфраструктуры для переработки ТКО [20]. Проект также предусматривает развитие 28 экотехнопарков на базе мест захоронения отходов.

Одним из ключевых инструментов нового проекта становится расширенная ответственность производителей (РОП), которая в рамках ФЗ № 451-ФЗ от 04.08.2023 получила дальнейшее развитие. Предусматривается поэтапное увеличение доли вторичного сырья в продукции: с 55% в 2025 году до 75% в 2026 и 100% в 2027 году [21]. Для этого создан Единый реестр утилизаторов отходов, ведомый Росприроднадзором [25]. Однако, несмотря на формальные успехи, такие как рост доли сортировки ТКО с 3% до 54,8% за время нацпроекта «Экология», практическая реализация этих амбициозных планов сталкивается с серьезными вызовами. Одним из главных барьеров является экономическая невыгодность переработки по сравнению с захоронением отходов. Высокая ключевая ставка (>20%) и низкие цены на вторичное сырье делают инвестиции в новые перерабатывающие мощности рискованными. Недостаточность налоговых льгот и прочих стимулов для бизнеса не позволяет преодолеть этот экономический порог. Кроме того, существует проблема квалифицированных кадров,

которую регионы называли более значимой, чем нехватка финансирования [24].

Другой важной областью, где новые инструменты уже находят применение, является управление выбросами парниковых газов. После разлива топлива в Норильске (2020) компания «Норникель» выплатила штраф в размере 146,2 млрд рублей, что стало сигналом для всей промышленности о росте экологической ответственности [13]. С 2022 года в Сахалинской области проводится эксперимент по квотированию выбросов CO₂, который, возможно, станет основой для внедрения торговли углеродными единицами в будущем [2]. В рамках нацпроекта «Экология» и «Экологическое благополучие» эксперимент по квотированию распространяется на 12 городов-участников, с целью двукратного сокращения совокупных выбросов к 2036 году. Такой подход, сочетающий административные меры (лимиты) и рыночные (квоты), является попыткой найти новый баланс между государственным регулированием и экономическими стимулами. Он отличается от старых моделей, основанных на простом установлении нормативов без достаточной экономической поддержки для их выполнения. Тем не менее его успешность будет зависеть от того, сможет ли он мотивировать компании, как «Норникель», инвестировать в технологическое переоснащение, а не платить штрафы. Введение в КоАП РФ с 1 марта 2024 года штрафов за нарушение сроков и достоверности данных в ФГИС УТКО (до 100 тыс. руб. для организаций) [25] и повышение штрафов за воспрепятствование проверкам (до 1 млн руб. для юрлиц) [26] является еще одним шагом к повышению ответственности бизнеса.

Общественное восприятие и роль общественного участия в экологической политике

Эффективность любой государственной политики в сфере охраны окружающей среды напрямую зависит от ее приемлемости и поддержки со стороны общества. Анализ общественного мнения в России по экологическим вопросам выявляет сложную картину, характеризующуюся как растущим вниманием к проблеме, так и глубоким недоверием к официальным институтам и системными барьерами для участия граждан. В 2024 году общероссийский индекс экологического восприятия достиг исторического максимума в 53 пункта, что свидетельствует о заметном росте интереса и положительного отношения к экологии [19]. Однако

этот рост приостановился в 2025 году, когда индекс снизился до 32 баллов, что может быть связано с отвлечением внимания на международную повестку и новыми локальными экологическими проблемами, такими как разлив мазута в Черном море. При этом средняя оценка качества экологии в стране остается скромной: 3 из 5 баллов, и лишь 34% россиян дают высокую оценку (4-5 баллов) [17].

Важным аспектом является региональная специфика: в сельской местности индекс экологического благополучия почти в 1,6 раза выше, чем в среднем по стране, а лидируют по этому показателю Северо-Кавказский и Южный федеральные округа [19]. Это может отражать различия в типах экологических проблем и степени влияния промышленной деятельности. Самыми актуальными для населения проблемами остаются загрязнение воздуха (24%), мусорная проблема (21%) и загрязнение водоемов (19%) [17]. При этом ответственность за ухудшение экологии россияне распределяют следующим образом: на себя (42%), на местные власти (27%), на самих себя (42%) и на промышленные предприятия (16%). Этот феномен, вероятно, является смесью чувства безысходности, культурных особенностей и реальной оценки роли каждого участника процесса.

Несмотря на растущий интерес, существует значительный разрыв между желанием участвовать и реальной возможностью это сделать. Только половина россиян видит связь между экологией и здоровьем, и среди жителей неблагополучных территорий эта связь намного важнее [19]. Это говорит о том, что для большинства людей экология остается абстрактной проблемой, пока она не коснется их лично. Главным барьером на пути улучшения экологии, по мнению самих граждан, является низкая экологическая ответственность людей (48%), за которой следуют незаинтересованность властей (35%) и недостаточный контроль (34%) [17]. Эти данные полностью коррелируют с выводами экспертов о слабости административных механизмов и низкой эффективности регуляторных органов.

Правовые институты общественного участия, такие как общественный экологический контроль, функционируют крайне неэффективно. Из-за отсутствия четкого и юридически закреплённого порядка проверок акты общественных организаций оказываются недействительными в суде, что лишает их всякой ценности [14]. В то же время, сама практика

добровольческой деятельности, например, в субботниках (участвовали 1,5 млн человек в 2024 году) и акциях по лесовосстановлению (более 1 млн добровольцев), показывает наличие огромного внутреннего потенциала общества. Бизнесу, в свою очередь, рекомендовано вовлекать население, особенно молодежь, в экологические проекты для снижения социальной напряженности [19]. Это подчеркивает необходимость перехода от пассивного контроля к активному диалогу и сотрудничеству. Новый национальный проект «Экологическое благополучие» должен учитывать эти факторы, предлагая не просто новые правила, а механизмы для вовлечения граждан и бизнеса в процесс решения экологических проблем, а не просто подчинения им.

Стратегические перспективы и выводы: от реформ к системной трансформации

Подводя итог анализу, можно заключить, что государственная политика Российской Федерации в сфере охраны окружающей среды находится на пороге фундаментальной трансформации. Новый национальный проект «Экологическое благополучие» (2025–2030) и сопутствующие ему реформы в экологическом законодательстве представляют собой не просто продолжение старых подходов, а попытку выработать новую модель управления, способную справиться с комплексом вызовов XXI века. Эта модель движется в сторону большей экономической обоснованности и рыночных механизмов, таких как квотирование выбросов и экономика замкнутого цикла, в то время как прежние проекты «Экология» и «Охрана окружающей среды» строились преимущественно на принципах бюджетного финансирования и административного принуждения. Однако, несмотря на позитивные сдвиги, ряд системных проблем сохраняется и требует особого внимания.

Первоочередной задачей является преодоление разрыва между декларируемыми целями и реальными результатами. Аналитический обзор показывает, что масштабные инвестиции и реализация крупных проектов не гарантируют автоматического улучшения экологической ситуации. Успех нового проекта будет зависеть от его способности изменить само поведение хозяйствующих субъектов, а не только от создания новых объектов инфраструктуры. Это требует не только ужесточения контроля, но и создания реальных экономических стимулов для инвестиций в чистые технологии, снижение

барьеров для бизнеса и повышение доверия к регуляторным институтам. В частности, необходимо доработать механизмы расширенной ответственности производителей (РОП), сделав их более прозрачными и справедливыми, чтобы они действительно стимулировали переход к экономике замкнутого цикла, а не становились источником административной нагрузки [21].

Второй важнейшей задачей является реформа самого государственного аппарата и повышение его эффективности. Существующие институты, такие как госконтроль и надзор, нуждаются в дальнейшей оптимизации и цифровизации. Переход на единый портал ФГИС «Экомониторинг» [21] и внедрение систем автоматического контроля выбросов [18] являются шагами в верном направлении, но их эффективность будет зависеть от того, как будут использоваться полученные данные. Необходимо создание механизмов, которые позволили бы быстро реагировать на нарушения, а не просто констатировать их факт. Особое внимание следует уделить совершенствованию правовой базы для общественного участия. Без легитимных и действенных каналов для контроля со стороны граждан и некоммерческого сектора любые реформы рискуют остаться непонятыми и не поддержанными обществом.

В заключение можно сделать несколько ключевых выводов. Во-первых, Россия успешно завершила этап создания масштабной программной базы для решения экологических проблем. Теперь начинается более сложный этап – этап их системной реализации и оценки. Во-вторых, стратегическая линия развития смещается от простого реагирования на экологические катастрофы к проактивному управлению ресурсами и рисками, что отражено в целях по достижению экономики замкнутого цикла и снижению выбросов. В-третьих, успех этой стратегии зависит от баланса между ужесточением государственного регулирования и созданием благоприятной среды для бизнеса. Необходимо найти правильный компромисс, при котором экологические требования станут конкурентным преимуществом, а не просто дополнительной статьей расходов.

В целом, можно констатировать, что Россия стоит перед выбором: продолжить путь, основанный на бюрократических и финансовых инструментах, или сделать смелый шаг к созданию полноценной экологической системы, где правовые нормы, экономические стимулы и

общественный контроль работают в синергии. Успешная реализация нацпроекта «Экологическое благополучие» станет для страны серьезным испытанием, результат которого определит не только состояние ее природных богатств на десятилетия вперед, но и ее способность адаптироваться к глобальным вызовам, таким как изменение климата и дефицит ресурсов.

Литература

1. Об охране окружающей среды: Федер. закон РФ от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 2. – Ст. 133. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001200201100007>.
2. О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» в части совершенствования системы расширенной ответственности производителей: Федер. закон РФ от 4 авг. 2023 г. № 451-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 32. – Ст. 5123. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0012023080400451>.
3. О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 19. – Ст. 2794. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0012018050700204>.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды» в части контроля выбросов загрязняющих веществ: Федер. закон РФ от 28 апр. 2023 г. № 177-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 18. – Ст. 2655. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0012023042800177>.
5. Хлуденева Н.И. Проблемы правового регулирования ликвидации накопленного экологического вреда в России // Экологическое право. – 2021. – № 4. – С. 23-30.
6. Болдырева Н.В., Козлов А.А. Влияние экологического регулирования на инвестиционное поведение компаний в России // Журнал институциональных исследований. – 2022. – Т. 14, № 2. – С. 89-104.
7. Петрова О.С. Общественный экологический контроль в России: правовые и организационные проблемы // Экология и право. – 2022. – № 3. – С. 45-53.
8. Лапина К.А., Шаповалова Е.А. Эволюция государственной экологической политики

в России: от деклараций к программам // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 94. – С. 112-130.

9. Григорьева Л.Н. Реформирование системы обращения с отходами в России: вызовы и перспективы // Экологический юрист. – 2023. – № 1. – С. 34-42.

10. Росстат. Экологические показатели Российской Федерации: статистический сборник / Росстат. – М., 2024. – 187 с.

11. Отчёт Министерства природных ресурсов и экологии РФ о ходе реализации национального проекта «Экология» за 2019–2023 гг. – М., 2024. – 120 с.

12. Итоговый отчёт о реализации национального проекта «Экология» за 2019–2024 гг. / Минприроды России. – М., 2024. – 156 с.

13. Индекс экологического восприятия в России: ежегодный отчёт 2024 / Исследовательский центр «ЭкоМонитор». – М., 2024. – 68 с.

14. ВЦИОМ. Общественное мнение об экологической ситуации в России: результаты опроса населения. – М., 2024. – 45 с.

15. Национальный проект «Экологическое благополучие»: концепция и план реализации на 2025–2030 годы / Минприроды России. – М., 2024. – 89 с.

16. Пояснительная записка к федеральному проекту «Экономика замкнутого цикла» в рамках нацпроекта «Экологическое благополучие». – М.: Минприроды России, 2024. – 32 с.

17. Распоряжение Правительства РФ от 10 февраля 2023 г. № 315-п «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2023–2030 годы». – URL: <https://government.ru/docs/12345/>.

18. Постановление Правительства РФ от 22 января 2024 г. № 39 «Об установлении приоритетных загрязняющих веществ и требованиях к системам автоматического контроля выбросов» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 4. – Ст. 567. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012024012200039>.

19. Приказ Минприроды России от 28 ноября 2023 г. № 1068 «Об утверждении правил проведения государственной экологической экспертизы». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012023112801068>.

20. Приказ Росприроднадзора от 15 февраля 2024 г. № 33 «Об утверждении порядка ведения единого реестра утилизаторов отходов». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012024021500033>.

21. ФГИС «Экомониторинг»: отчёт о функционировании и данных за 2023–2024 гг. [Электронный ресурс]. – URL: <https://ecomon.ru>.

22. OECD Environmental Performance Reviews: Russian Federation 2021. – Paris: OECD Publishing, 2021. – 356 p. – DOI: 10.1787/9a0b8f3e-en.

23. World Bank. Russia's Transition to a Circular Economy: Opportunities and Challenges. – Washington, DC: World Bank, 2022. – 124 p. – URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/37256> (дата обращения: 05.04.2025).

24. Доклад Генеральной прокуратуры РФ «О состоянии законности в сфере охраны окружающей среды». – М., 2023. – 76 с.

25. Отчёт Ассоциации региональных операторов по обращению с ТКО «Проблемы и барьеры в реализации национального проекта «Экология». – М., 2023. – 54 с.

26. Экологическая доктрина Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 30 апр. 2002 г. № 472 // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 19. – Ст. 1851. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012002043000472>.

27. Лесной кодекс Российской Федерации: в ред. от 1 сент. 2024 г. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012024090100001>.

28. Водный кодекс Российской Федерации: в ред. от 1 сент. 2024 г. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012024090100002>.

29. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: в ред. от 1 марта 2024 г. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012024030100001>.

30. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О мерах по восстановлению экологии на территории Норильска» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 30. – Ст. 4878. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/00012020072100474>.

KOROLEVA Maria Dmitrievna

Student, Moscow Regional Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Russia, Krasnogorsk

IMPROVING THE STATE POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE FIELD OF ENVIRONMENTAL PROTECTION: FROM NATIONAL PROJECTS TO SYSTEMIC TRANSFORMATION

Abstract. *The article examines the current state and prospects for improving the state environmental policy of the Russian Federation. The analysis of the effectiveness of the implementation of the national project "Ecology" (2019-2024) has been carried out, systemic problems in legal regulation, control and public participation have been identified. Special attention is paid to new reforms, including the introduction of a system of extended producer responsibility, automated emission control and the transition to a closed-loop economy within the framework of the new national project "Environmental well-being" (2025-2030). The necessity of a systemic transformation of environmental management, combining stricter regulatory requirements with economic incentives and the active involvement of business and civil society, is substantiated. The conclusion is made about the importance of a balance between administrative regulation and market mechanisms for achieving sustainable environmental results.*

Keywords: *state environmental policy, national Ecology project, closed-loop economy, extended producer responsibility (EPR), integrated environmental resolution (CER), automatic emission control, carbon regulation, accumulated harm mitigation, environmental monitoring, public-private partnership.*

ЛУЧКИН Евгений Павлович

магистрант, Оренбургский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия, г. Оренбург

ПРОБЛЕМЫ В ФОРМИРОВАНИИ БЮДЖЕТОВ В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблем в формировании бюджетов в муниципальных образованиях. Целью данной работы освятить проблемы при формировании и освоении бюджетов в муниципальных образованиях. Дать определения бюджетной системе о формировании доходности и рисках при освоении бюджетных средств.

Ключевые слова: бюджет муниципальных образований, риски при формировании бюджетов, муниципальные образования.

В настоящее время проживая в Российской Федерации мало, кто задумывается на какие деньги ремонтируются дороги, на что строятся парки, дома для малоимущих, почему горит свет на улицах в тёмное время суток? Все просто увлечены своими делами и заботятся о своих доходах, о своем бюджете. Но мало кто интересуется как формируется бюджет страны, области, или даже села.

С начала определимся что такое «бюджет».

Бюджет – это план доходов и расходов на определённый период времени (месяц, год и т. д.).

Бюджет муниципального района формируется в соответствии с:

- Бюджетным кодексом Российской Федерации – основной федеральный закон, регулирующий бюджетную систему, включая местные бюджеты;
- Федеральным законом № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» – он определяет полномочия органов МСУ по вопросам финансов и бюджета;
- Уставом муниципального образования и муниципальными правовыми актами (решения Совета депутатов о бюджетном процессе).

Решение о бюджете принимается Советом депутатов муниципального района, а проект бюджета разрабатывает администрация района.

Бюджет муниципального района – это план доходов и расходов на очередной финансовый год и плановый период, который обеспечивает выполнение задач, отнесённых к предметам ведения местного самоуправления. Включает в

себя: доходную, расходную части и план финансирования дефицита (если он есть).

Основные источники доходов:

Налоговые и неналоговые доходы:

- доля налога на доходы физических лиц (НДФЛ), поступающая в местный бюджет;
- муниципальные налоги и сборы (например, земельный налог, транспортный налог в части, установленной местными правилами);
- доходы от собственности муниципалитета (аренда, продажа муниципального имущества);
- неналоговые доходы – штрафы, платы за услуги и др.

Безвозмездные поступления:

- трансферты из областного бюджета;
- субсидии и субвенции из вышестоящих бюджетов для выполнения конкретных задач (например, социальные программы, образование, культура).

В небольших сельских районах доля безвозмездных поступлений (от областного бюджета) обычно значительно выше, чем собственные доходы. Это характерно для районов с низкой налоговой базой.

Процесс формирования бюджета

Шаги формирования:

- Администрация района готовит проект бюджета на очередной год и плановый период;
- Формируются макроэкономические прогнозы и прогнозные показатели доходов;
- Расчёт расходов делается исходя из полномочий, задач муниципалитета и утверждённых муниципальных программ

(например, социальное обеспечение, коммунальные услуги, дороги и др.);

- Проект бюджета проходит публичные слушания и обсуждается с представителями населения;
- Совет депутатов района утверждает бюджет.

В бюджетной документации утверждаются:

- общие бюджетные ассигнования по разделам и муниципальным программам;
- лимиты бюджетных обязательств для главных распорядителей средств.

Расходная часть бюджета

Расходы районного бюджета направляются на выполнение функций местного самоуправления:

- образование, культура, здравоохранение в части, отнесённой к муниципальному уровню;
- содержание коммунальной инфраструктуры;
- социальная поддержка населения;
- благоустройство и развитие территории;
- содержание муниципальных учреждений.

Расходы планируются в рамках муниципальных программ, которые являются частью бюджетного процесса.

Исполнение и контроль

После утверждения бюджета:

- администрация осуществляет исполнение бюджета;
- органы муниципального финансового контроля следят за целевым использованием средств;
- ежегодно публикуются отчёты об исполнении бюджета, доступные жителям.

Основные проблемы при формировании бюджета

Основными проблемами преимущественно в современных реалиях является:

1. Ограниченная доходная база. Низкая доля собственных доходов (НДФЛ, земельный налог, арендные платежи). Сильная зависимость от межбюджетных трансфертов (денежные средства, которые передаются из одного уровня бюджета в другой для выравнивания финансовых возможностей и выполнения полномочий). Экономическая слабость территории (мало предприятий, низкая занятость). Риск: бюджет становится нестабильным и зависит от решений вышестоящих властей;

2. Неустойчивость межбюджетных трансфертов. Субсидии и субвенции часто носят целевой и конкурсный характер. Средства могут поступать поздно или в меньшем объёме. Жёсткие условия софинансирования. Риск: срыв сроков реализации программ и проектов;

3. Несоответствие полномочий и финансового обеспечения. Передача полномочий «сверху» без достаточного финансирования. Рост обязательств без увеличения доходов. Риск: дефицит бюджета и накопление кредиторской задолженности;

4. Ошибки в прогнозировании доходов. Завышенные прогнозы по налогам и неналоговым доходам. Недоучёт экономических рисков (закрытие предприятий, миграция населения). Риск: кассовые разрывы и неисполнение расходных обязательств;

5. Высокая доля защищённых расходов. Зарплаты, коммунальные услуги, соцвыплаты занимают большую часть бюджета. Недостаток средств на развитие и инвестиции. Риск: бюджет становится «проедаемым», а не развивающим;

6. Софинансирование программ. Необходимость находить собственные средства для участия в региональных и федеральных программах. Ограниченные возможности для софинансирования. Риск: район не может участвовать в выгодных программах;

7. Муниципальный долг и долговые ограничения. Кредиты и бюджетные займы увеличивают нагрузку. Ограничения по предельному уровню дефицита и долга. Риск: потеря финансовой самостоятельности;

8. Недостаток квалифицированных кадров. Ошибки при планировании и обосновании расходов. Слабая работа с доходами и программами. Риск: снижение качества бюджета и замечания контрольных органов;

9. Формальный подход к муниципальным программам. Программы разрабатываются «для отчёта». Отсутствие реальной связи целей, показателей и финансирования. Риск: неэффективное использование средств;

10. Контроль и ответственность. Усиление финансового контроля и аудита. Высокие риски административной и бюджетной ответственности должностных лиц. Риск: осторожность при принятии решений и торможение инициатив.

Основные проблемы при наполнении бюджетов:

В регионах с сельской направленностью экономики. Преобладание АПК и бюджетной сферы. Низкая налоговая отдача от сельскохозяйственных предприятий. Большая зависимость от сезонности. Что провоцирует ограниченные поступления НДС и налога на имущество.

Наверное, самый страшный фактор и самая большая проблема в сельской местности и малых городах – это миграция и сокращение населения. Отток молодёжи в большие города и старение населения, приводят к снижению налоговой базы и росту социальных расходов.

Высокая зависимость от областного бюджета, когда основная часть доходов – субсидии и субвенции из бюджета области, а собственные доходы часто менее 20–25%. Делают низкую бюджетную самостоятельность района.

Участие в софинансировании региональных программ требуют 5–20% собственных средств. Для сельских районов это серьёзная нагрузка. Иногда это приводит к отказу от участия в программах даже при острой необходимости объектов.

Изношенная инфраструктура. Сети ЖКХ, дороги, объекты требуют постоянных вложений. Ремонт часто финансируется «точечно». В результате приводит к росту непредвиденных расходов и перераспределение бюджета в течение года.

Также большой проблемой является кадровый дефицит в финансовых органах. Часто нехватка специалистов по бюджету и программам и высокая нагрузка на действующих сотрудников, приводит к формальному подходу в планировании и отчётности.

Конкурсное распределение средств. Где средства области распределяются на конкурсной основе и районы конкурируют между собой. Приводит в результате, что выигрывают районы с более сильной проектной подготовкой.

Осуществляемый жёсткий контроль со стороны области и финансовый контроль Минфина. Выдвигают высокие требования к целевому использованию средств. Что приводит к осторожности при формировании инициативных расходов.

Выводом может служить то, что некоторые муниципальные территории часто имеют низкую доходную базу, большой демографический спад, преобладают высокая зависимость от областных трансфертов и необходимостью софинансирования программ, что ограничивает возможности развития территории.

Литература

1. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025).
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».
3. Федеральный закон «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов» от 30.11.2024 № 419-ФЗ (последняя редакция).
4. Юкласова А.В. Статья о сущности и видах межбюджетных трансфертов и их роли в бюджетной системе России.
5. Федорова Е.А., Левина В.В. Статья по распределению трансфертов и их роли в формировании бюджетного процесса.

LUCHKIN Evgeny Pavlovich

Master's Student, Orenburg Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Orenburg

PROBLEMS IN BUDGET FORMATION IN MUNICIPALITIES

Abstract. The article is devoted to the study of problems in the formation of budgets in municipalities. The purpose of this work is to highlight the problems in the formation and development of budgets in municipalities. To define the budget system on the formation of profitability and risks in the development of budget funds.

Keywords: municipal budget, risks in budget formation, municipal entities.

РАЗУМОВ Андрей Леонидович

заместитель председателя,

Комитет по профилактике коррупционных правонарушений Оренбургской области,
Россия, г. Оренбург

ВЗАИМОСВЯЗЬ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР ПО ПРОФИЛАКТИКЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, ЗАМЕЩАЮЩИХ МУНИЦИПАЛЬНЫЕ ДОЛЖНОСТИ С РЕШЕНИЕМ ВОПРОСА КОМПЛЕКТОВАНИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИМ СОСТАВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ В СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового статуса местного самоуправления как конституционно признаваемой и гарантируемой формы самоорганизации населения, а также специфика профилактики коррупции в отношении лиц, замещающих муниципальные должности. Показано, что широкий спектр публично-властных полномочий органов местного самоуправления (муниципальные закупки, муниципальный контроль, распоряжение бюджетными ассигнованиями и ограниченными ресурсами, управление муниципальным имуществом, предоставление услуг, административно-юрисдикционные полномочия и др.) объективно формирует коррупционные риски и обуславливает необходимость применения ограничений, запретов и обязанностей, предусмотренных антикоррупционным законодательством.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальные должности, органы местного самоуправления, профилактика коррупции, коррупционные риски, ограничения и запреты, конфликт интересов, антикоррупционные институты.

Местное самоуправление это признаваемая и гарантируемая Конституцией Российской Федерации форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией Российской Федерации настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации [1].

Местное самоуправление является составляющей частью основы государственного строя, реализуется населением непосредственно, а также через органы местного самоуправления. Органы местного самоуправления являются самостоятельными и не входят в систему органов государственной власти Российской Федерации или её субъектов. Вместе с тем, установление общих принципов организации местного самоуправления, в том числе в области противодействия коррупции, находится в совместном ведении Российской Федерации и

субъекта Российской Федерации. Ввиду широкого спектра задач по противодействию коррупции деятельность по профилактике коррупции в отношении лиц, замещающих муниципальные должности, регулируется как на федеральном, региональном уровнях, так и на местном уровне.

Обращает на себя внимание, что к категории муниципальных должностей в рамках текущего регулирования отнесен довольно широкий перечень должностей, выполняющих различные функции в общей системе муниципального управления. Перечень таких должностей, определяется совместным регулированием Российской Федерации и субъекта Российской Федерации, определяющего реестр муниципальных должностей.

К муниципальным должностям относятся [2]:

1. Депутат;
2. Глава муниципального образования;
3. Председатель, заместитель председателя, аудитор контрольно-счетного органа муниципального образования;

4. Иные лица в соответствии с законом субъекта Российской Федерации и уставом муниципального образования.

Нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации перечень муниципальных должностей может быть более детализован с учетом структуры органов местного самоуправления в особенности представительного органа муниципального образования. Так, в соответствии с законодательством Оренбургской области [3] перечень муниципальных должностей содержит в себе следующие должности:

- глава муниципального образования;
- председатель представительного органа муниципального образования;
- заместитель председателя представительного органа муниципального образования;
- председатель контрольно-счетного органа;
- заместитель председателя контрольно-счетного органа;
- аудитор контрольно-счетного органа;
- депутат представительного органа муниципального образования.

Оценивая необходимость реализации мер по профилактике коррупции в отношении лиц, замещающих муниципальные должности, следует обратить внимание на наличие коррупциогенных факторов в полномочиях органов местного самоуправления и их должностных лиц, определенных Федеральным законом от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»), нормативными правовыми актами Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальными нормативными правовыми актами, в совокупности с содержанием методических рекомендаций Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации по проведению оценки коррупционных рисков, возникающих при реализации функций (далее – методические рекомендации) [4].

Результаты анализа полномочий органов местного самоуправления муниципальных образований, содержание методических рекомендаций показывают, что органы местного самоуправления в силу закона реализуют коррупционно опасные функции:

- функции заказчика при поставке товаров, выполнении работ и оказании услуг для муниципальных нужд;

- осуществление муниципального контроля;
- подготовку и принятие решений о распределении бюджетных ассигнований, субсидий, межбюджетных трансфертов, а также ограниченных ресурсов (квот, земельных участков и т. п.);
- организацию продажи муниципального имущества;
- предоставление права на заключение договоров аренды земельных участков, других объектов недвижимого имущества, находящихся в муниципальной собственности;
- подготовку и принятие решений о возврате или зачете излишне уплаченных или излишне взысканных сумм налогов и сборов, а также пеней и штрафов;
- выдача разрешений на отдельные виды работ и иные аналогичные действия;
- возбуждение и рассмотрение дел об административных правонарушениях;
- представление в судебных органах прав и законных интересов муниципального образования и органов местного самоуправления;
- предоставление муниципальных услуг гражданам и организациям;
- хранение и распределение материально-технических ресурсов.

Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации [5] в 2023 году в Российской Федерации вынесено 22014 обвинительных приговоров за совершение преступлений коррупционной направленности, в 2024 году вынесено 21729 обвинительных приговоров, а за первое полугодие 2025 года вынесено 11236 обвинительных приговоров за совершение коррупционных преступлений.

В соответствии с данными антикоррупционного мониторинга, проведенного в Приморском крае [6] 18,5% респондентов, считает, что уровень коррупции за 2024 год на местном (муниципальном) уровне возрос, 46,7% считают, что уровень коррупции не изменился. В соответствии с результатами социологического исследования, проведенного в целях оценки уровня коррупции в Оренбургской области [7] за 2024 год 11,5% респондентов, считает, что уровень коррупции за 2024 год на местном (муниципальном) уровне возрос, 56,0% считают, что уровень коррупции не изменился.

Согласно обзору уголовных дел по преступлениям коррупционной направленности за 2024 год, представленному комитетом по профилактике коррупционных правонарушений Оренбургской области, в 2023-2024 годах из 75

уголовных дел коррупционной направленности, возбужденных в отношении должностных лиц (работников) исполнительных органов и органов местного самоуправления Оренбургской области 19 уголовных дел (25,33%) возбуждено в отношении лиц, замещающих муниципальные должности.

Принимая во внимание статистические показатели противодействия коррупции, и руководствуясь принципом приоритетного применения мер по предупреждению коррупции, утвержденным статьей 3 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее – Закон «О противодействии коррупции»), в Российской Федерации разработаны меры по предупреждению коррупции в отношении лиц, обладающих публично-властными полномочиями в органах местного самоуправления. Указанные меры реализуются посредством антикоррупционных институтов, обеспечивающих:

- предотвращение и урегулирование конфликта интересов;
- получение и проверку сведений о расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, возникающих в рамках реализации публично-властных полномочий;
- установление ограничений, запретов и обязанностей, в целях противодействия коррупции и контроль за их соблюдением.

Таким образом, в общей системе профилактики коррупции в отношении лиц, замещающих муниципальные должности, существенную роль играют ограничения, запреты и обязанности, установленные в целях противодействия коррупции.

Рассмотрим один из таких запретов, а также его значение для реализации органами власти и органами местного самоуправления функций по обеспечению права на образование, предусмотренного статьей 43 Конституции Российской Федерации.

В соответствии с частью 25 статьи 19 и частью 5 статьи 28 Закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» лица, замещающие муниципальные должности, должны соблюдать ограничения, запреты, исполнять обязанности, которые установлены законодательством Российской Федерации о противодействии коррупции.

Пунктом третьим части 3 статьи 12.1 Закона «О противодействии коррупции» установлено, что лица, замещающие муниципальные должности, и осуществляющие свои полномочия на постоянной основе, не вправе заниматься

другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности. Указанный запрет распространяется, в том числе и на лиц, замещающих муниципальные должности в сельских поселениях.

Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 185-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» внесены изменения в отдельные федеральные законы, в том числе в части замены слова «преподавательской» словом «педагогической». При этом указанным федеральным законом соответствующие изменения в Закон «О противодействии коррупции» не внесены.

Комплексный анализ законодательства Российской Федерации, содержащего положения, направленные на установление в целях противодействия коррупции запрета отдельным категориям лиц заниматься другой оплачиваемой деятельностью, свидетельствует о том, что понятия «преподавательская деятельность» и «педагогическая деятельность» различны.

В настоящее время законодательство Российской Федерации, в том числе Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон «Об образовании в Российской Федерации»), не содержит нормативных определений таких понятий, как «педагогическая деятельность» и «преподавательская деятельность». При этом в соответствии с пунктом 21 части 1 статьи 2 Закона «Об образовании в Российской Федерации» под педагогическим работником понимается физическое лицо, которое состоит в трудовых, служебных отношениях с организацией, осуществляющей образовательную деятельность, и выполняет обязанности по обучению, воспитанию обучающихся и (или) организации образовательной деятельности.

В то же время согласно части 1 статьи 50 Закона «Об образовании в Российской Федерации» в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по реализации образовательных программ высшего образования и дополнительных профессиональных программ, предусматриваются должности педагогических работников и научных работников, которые относятся к научно-педагогическим работникам. Педагогические работники

относятся к профессорско-преподавательскому составу указанных организаций.

Так, номенклатура должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций, утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации от 21 февраля 2022 года № 225 «Об утверждении номенклатуры должностей педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность, должностей руководителей образовательных организаций», предусматривает 12 наименований должностей педагогических работников, отнесенных к профессорско-преподавательскому составу, и 29 наименований должностей иных педагогических работников.

Кроме того, подгруппа 23 Общероссийского классификатора занятий, принятого и введенного в действие приказом Росстандарта от 12 декабря 2014 года № 2020-ст «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора занятий (ОКЗ) ОК 010-2014 (МСКЗ – 08)», содержит положения о специалистах в области образования, согласно которым к преподавателям относятся персонал университетов, других организаций высшего образования и средних профессиональных образовательных организаций, а к педагогам – работники в средней, начальной школе и дошкольном образовании.

Регулирование труда педагогических работников, их прав и свобод, обязанностей и ответственности осуществляется в зависимости от занимаемых ими должностей статьями 46 – 50 Закона «Об образовании в Российской Федерации», Трудовым кодексом Российской Федерации (далее – ТК РФ) с учетом особенностей, предусмотренных главой 52 «Особенности регулирования труда педагогических работников», а также принятыми на их основе нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, а в отдельных случаях – законодательными актами субъектов Российской Федерации.

В соответствии с частью первой статьи 331 ТК РФ к педагогической деятельности допускаются лица, имеющие образовательный ценз, который определяется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации в сфере образования.

Так, на основании части 1 статьи 46 Закона «Об образовании в Российской Федерации» право на занятие педагогической деятельностью имеют лица, имеющие среднее

профессиональное или высшее образование и отвечающие квалификационным требованиям, указанным в квалификационных справочниках, и (или) профессиональным стандартам, если иное не установлено настоящим Федеральным законом.

Согласно части 6 статьи 47 Федерального закона № 273-ФЗ в рабочее время педагогических работников в зависимости от занимаемой должности включается учебная (преподавательская) и воспитательная работа, в том числе практическая подготовка обучающихся, индивидуальная работа с обучающимися, научная, творческая и исследовательская работа, а также другая педагогическая работа, предусмотренная трудовыми (должностными) обязанностями и (или) индивидуальным планом, – методическая, подготовительная, организационная, диагностическая, работа по ведению мониторинга, работа, предусмотренная планами воспитательных, физкультурно-оздоровительных, спортивных, творческих и иных мероприятий, проводимых с обучающимися.

Конкретные трудовые (должностные) обязанности педагогических работников определяются трудовыми договорами (служебными контрактами) и должностными инструкциями. Соотношение учебной (преподавательской) и другой педагогической работы в пределах рабочей недели или учебного года определяется соответствующими локальными нормативными актами организаций, осуществляющих образовательную деятельность.

Приказом Министерства просвещения Российской Федерации от 4 апреля 2025 года № 269 «О продолжительности рабочего времени (нормах часов педагогической работы за ставку заработной платы) педагогических работников организаций, осуществляющих образовательную деятельность по основным и дополнительным общеобразовательным программам, образовательным программам среднего профессионального образования и соответствующим дополнительным профессиональным программам, основным программам профессионального обучения, и о Порядке определения учебной нагрузки указанных педагогических работников, оговариваемой в трудовом договоре, основаниях ее изменения и случаях установления верхнего предела указанной учебной нагрузки» регулируется продолжительность рабочего времени (нормы часов педагогической работы за ставку заработной платы) в зависимости от занимаемых педагогическими работниками должностей.

Так, в соответствии с пунктом 10 приложения № 1 к вышеуказанному приказу Министерства просвещения Российской Федерации за норму часов педагогической работы в неделю (в год) за ставку заработной платы педагогических работников, перечисленных в пунктах 11 и 12 настоящего Приложения, принимается норма часов учебной (преподавательской, тренировочной) работы (далее – норма часов учебной (преподавательской) работы).

Исходя из положений Федерального закона «Об образовании Российской Федерации», ТК РФ и других вышеперечисленных нормативных правовых актов, понятие «педагогическая деятельность» в зависимости от занимаемых педагогическими работниками должностей подразделяется в пределах должностных обязанностей на учебную (преподавательскую) работу, именуемую также учебной нагрузкой, и иную педагогическую работу, предусмотренную квалификационной характеристикой соответствующей должности.

Таким образом, учитывая, что преподавательская деятельность рассматривается в качестве составной части педагогической деятельности, то лицам, замещающим муниципальные должности на постоянной основе, в рамках текущего регулирования не разрешается заниматься оплачиваемой педагогической деятельностью.

С другой стороны, сельская школа, являясь неотъемлемой частью образовательной системы, выполняет уникальную миссию, выходящую за рамки стандартного обучения. Она формирует основу для развития сельских территорий, объединяя жителей, сохраняя культурные традиции и способствуя социальной интеграции. Однако в последние десятилетия сельские школы сталкиваются с рядом вызовов, включая сокращение числа образовательных учреждений, нехватку квалифицированных педагогов, ограниченность материальных ресурсов и технологическую отсталость [8].

В рамках обсуждения итогов 2024 года Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным отмечено, что около 375 000 учителей работают в сельских образовательных учреждениях и как следствие актуальность проблемы развития сельских школ и образования на селе становится одними из центральных проблем.

По результатам Международного исследования учительского корпуса по вопросам преподавания и обучения TALIS-2018 в российских школах сейчас средний возраст педагога составляет 45-46 лет. Работают в основном люди

предпенсионного или пенсионного возраста, а это означает, что спустя каких-то двадцать лет наших детей просто некому будет учить [9].

Согласно сведениям по форме федерального статистического наблюдения Минпросвещения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» [10] численность вакантных должностей педагогического состава в сельских государственных образовательных учреждениях (без учета городов федерального значения Москва, Санкт-Петербург, Севастополь) на начало 2024/25 учебного года составляло 20594 единиц.

При этом, исходя из содержания полномочий органов местного самоуправления муниципальных образований, иных требований, запретов и ограничений, установленных законодательством Российской Федерации в целях противодействия коррупции, возможность возникновения коррупционной составляющей обусловленной одновременным исполнением полномочий лица, замещающего муниципальную должность, и осуществлением педагогической деятельности в образовательном учреждении минимальна.

Противоречие между содержанием антикоррупционной нормы и необходимостью обеспечения права на образование, внесением изменений в законодательство Российской Федерации о противодействии коррупции в части корректировки установленного ограничения усугубляется содержанием части 3 статьи 97 Конституции Российской Федерации в соответствии с которой Депутаты Государственной Думы работают на профессиональной постоянной основе и не могут находиться на государственной службе, заниматься другой оплачиваемой деятельностью, кроме преподавательской, научной и иной творческой деятельности.

В рамках разрешения проблемы комплектования сельских образовательных учреждений педагогическим составом необходимо принимать все возможные и исчерпывающие меры.

Одной из таких мер видится возможное снятие запрета на занятие педагогической деятельностью для лиц, замещающих государственные и муниципальные должности.

В целях устранения избыточного ограничения, принимая во внимание содержание установленной Законом № 273-ФЗ обязанности по предупреждению (урегулированию) конфликта интересов, низкую вероятность возникновения

коррупционной составляющей при занятии лицом, замещающим муниципальную должность, педагогической деятельностью, а также необходимость решения проблемы комплектования образовательных учреждений в сельских поселениях квалифицированными кадрами необходимо провести корректировку законодательства Российской Федерации в части замены слова «преподавательской» на слово «педагогической» в статье 97 Конституции Российской Федерации и в статье 12.1. Закона «О противодействии коррупции».

Литература

1. Статья 1 Федерального закона Российской Федерации от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».
2. Статья 25 Федерального закона Российской Федерации от 20 марта 2025 года № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».
3. Статья 2 Закона Оренбургской области от 10 октября 2007 года № 1599/344-IV-ОЗ «О реестре муниципальных должностей и должностей муниципальной службы в Оренбургской области».
4. <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/8>.
5. <https://cdep.ru/?id=150>.
6. <https://primorsky.ru/promo-page/protivodeystvie-korrupsii/rezultaty-antikorrupcionnogo-monitoringa-za-2024-god/>.
7. <https://anticorruption.orb.ru/upload/uf/c2e/cxtk68yhmkke0q9q07dml6dy052esr2c/Analiticheskiy-doklad.pdf>.
8. Павлова О.А. Современная сельская школа как фактор устойчивого развития сельских территорий / О.А. Павлова, И.В. Митина // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13. – № 1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/125PDMN125.pdf>.
9. Модель университета комплексного развития сельских территорий: (на примере Нижегородского государственного инженерно-экономического университета, г. Княгинино) / Д.В. Ганин, А.Н. Смирнов, Ж.В. Касимова [и др.]. – Княгинино: Нижегородский государственный инженерно-экономический университет, 2023. – 52 с. – EDN BLBCRI.
10. <https://docs.edu.gov.ru/document/db9c1cdaa94b963299f927390b334c28/>.

RAZUMOV Andrey Leonidovich

Deputy Chairman,

Committee for the Prevention of Corruption Offenses of the Orenburg Region,
Russia, Orenburg

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE IMPLEMENTATION OF MEASURES TO PREVENT CORRUPTION OFFENSES AGAINST PERSONS HOLDING MUNICIPAL POSITIONS AND THE ISSUE OF STAFFING EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RURAL SETTLEMENTS

Abstract. *The article examines the features of the legal status of local self-government as a constitutionally recognized and guaranteed form of self-organization of the population, as well as the specifics of preventing corruption in relation to persons holding municipal positions. It has been shown that a wide range of public authorities of local governments (municipal procurement, municipal control, management of budget allocations and limited resources, management of municipal property, provision of services, administrative and jurisdictional powers, etc.) objectively creates corruption risks and necessitates the application of restrictions, prohibitions and obligations stipulated by the anti-corruption legislation.*

Keywords: *local government, municipal offices, local self-government, corruption prevention, corruption risks, restrictions and prohibitions, conflict of interests, anti-corruption institutions.*

СЛАДКИХ Мария Александровна

магистрантка,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ВНЕДРЕНИЯ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ УПРАВЛЯЮЩИХ КОМПАНИЙ КАК МЕХАНИЗМА ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ

Аннотация. В статье рассматриваются проблемные аспекты предоставления государственной услуги по лицензированию управляющих компаний. На основе процессного анализа и экспертных оценок разработана концептуальная модель цифровой платформы, ориентированная на управление качеством. Предложена система ключевых показателей эффективности (KPI) и проведена оценка экономического эффекта от ее внедрения, демонстрирующая значительное снижение издержек и сроков оказания услуги.

Ключевые слова: лицензирование управляющих компаний, цифровая платформа, качество государственных услуг, ключевые показатели эффективности, экономический эффект, жилищно-коммунальное хозяйство.

В рамках действующей системы предоставления государственных услуг процедура лицензирования деятельности по управлению многоквартирными домами (далее – МКД) сопряжена с рядом системных проблем, снижающих эффективность данного механизма как инструмента обеспечения качества жилищно-коммунальных услуг и защиты прав собственников. Ключевые проблемные аспекты можно структурировать вокруг двух основных блоков: несовершенство организации лицензионного процесса и избыточная жесткость санкционного механизма, ведущая к негативным рыночным и социальным последствиям.

Первая группа проблем обусловлена недостаточной детализацией и нормативной определенностью процедур формирования и деятельности лицензионных комиссий субъектов Российской Федерации. Как отмечается в исследованиях, ни Жилищный кодекс РФ (далее – ЖК РФ), ни методические указания Министерства строительства и ЖКХ РФ не устанавливают обязательного минимального количественного состава лицензионной комиссии [6, с. 435-437]. Отсутствие прямой отсылки в ст. 201 ЖК РФ к данным методическим указаниям придает последним лишь рекомендательный характер [1]. Это создает правовой вакуум, приводящий к разнородной и зачастую формальной практике в регионах. Существует риск создания комиссий минимального состава (например, из трех человек), что неизбежно ведет к снижению качества и глубины рассмотрения заявлений, а

также к возрастанию субъективности в принятии решений [3, с. 394-400]. Подобная ситуация дестабилизирует единое правовое пространство и создает условия для регионального «творчества», тормозящего развитие отрасли [2, с. 11-13]. Неупорядоченность формирования комиссий, в которых может быть недостаточно представлены интересы профессионального сообщества и общественности, снижает уровень общественного доверия и ослабляет систему сдержек и противовесов, потенциально повышая коррупционные риски [5, с. 97-100]. Отдельной проблемой является отсутствие федерального координирующего и надзорного органа, что приводит к разрозненности практики и отсутствию единого подхода к разрешению спорных ситуаций, возникающих в деятельности территориальных комиссий [2, с. 11-13].

Вторая группа проблем связана с излишне жесткими и недифференцированными основаниями для аннулирования лицензии управляющей компании (далее – УК). Действующий порядок, закрепленный в жилищном законодательстве, предусматривает возможность аннулирования лицензии через суд по заявлению лицензионной комиссии, если управляющей компании в течение одного календарного года были назначены две и более административные санкции, повлекшие запрет на обслуживание конкретных домов, и если совокупная площадь этих домов составила 15% и более от общего объема обслуживаемой УК площади за год

[7, с. 196-199]. Исследователи характеризуют данный механизм как избыточно строгий и «драконовский», способный спровоцировать значительные негативные последствия для рынка. Жесткость санкции в виде полного лишения права осуществлять деятельность несо-размерна характеру нарушений, которые могут носить технический или локальный характер. Такой подход создает риски для добросовестных участников рынка и может использоваться как инструмент недобросовестной конкуренции для «зачистки» рынка от неудобных компаний [5, с. 97-100]. Более того, данная норма порождает порочные стимулы для самих управляющих компаний. Стремясь минимизировать риски лишения лицензии, УК могут отказываться от заключения договоров управления с

проблемными домами, имеющими ветхие коммуникации и высокий износ общедомового имущества. Это приводит к социальной эксклюзии таких домовладений, которые остаются без профессионального управления и надлежащего обслуживания, что усугубляет их состояние и противоречит целям жилищной политики [7, с. 196-199]. Таким образом, санкционный механизм, призванный повысить качество услуг, на практике может приводить к снижению доступности управления для наиболее уязвимых объектов и дестабилизации рынка.

Для наглядности структурные проблемы и их последствия могут быть представлены в виде следующей схемы:

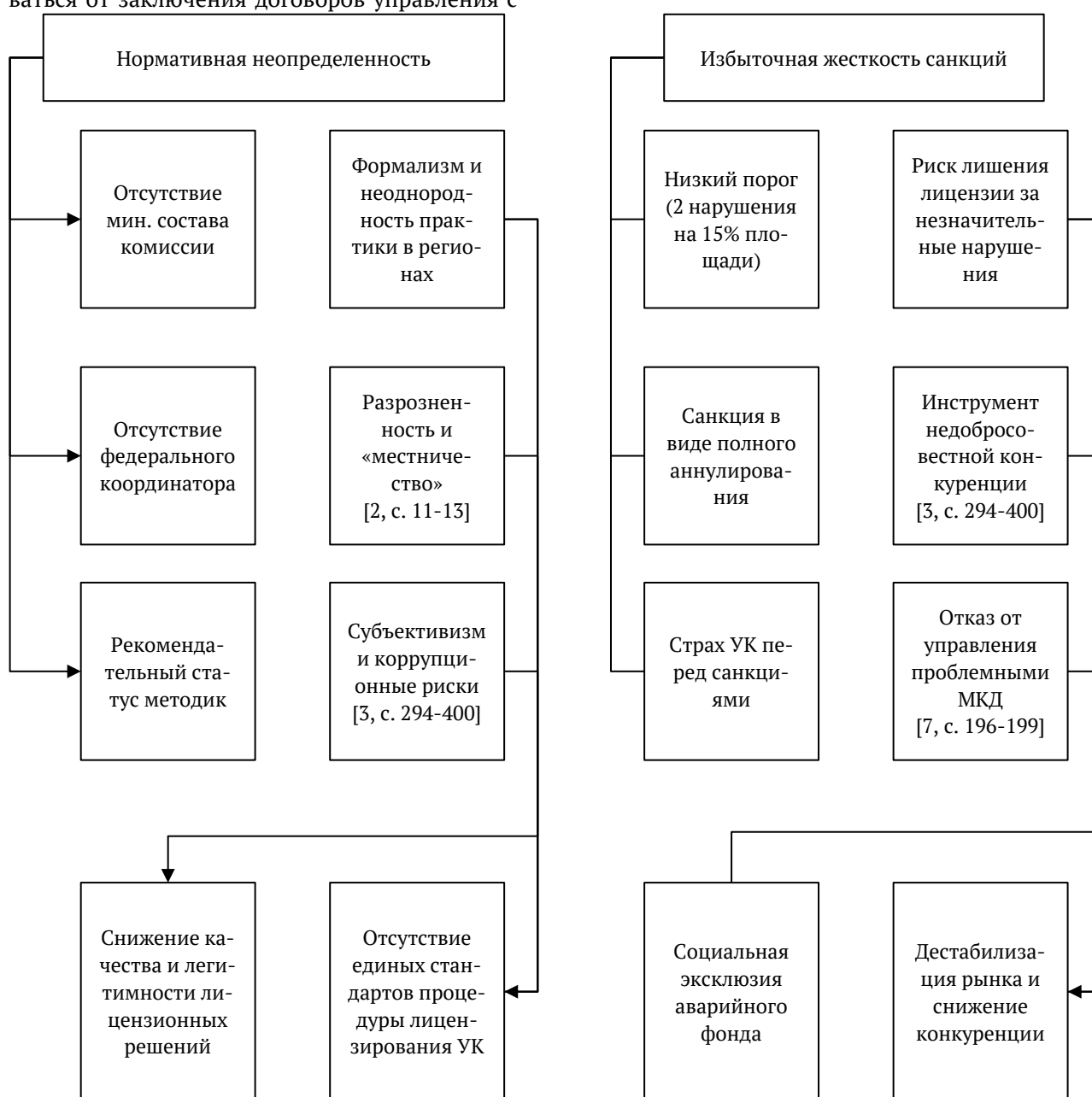

Рис.

Таким образом, анализ показывает, что существующая система лицензирования УК как государственной услуги содержит внутренние противоречия. С одной стороны, она недостаточно регламентирована на процедурном уровне, что ведет к произволу и нестабильности. С другой – она избыточно сурова в санкционной части, что порождает негативные экстерналии для рынка и потребителей. Эти проблемы взаимосвязаны: нечеткость процедур повышает риски необъективных решений, а суровость наказаний умножает издержки таких

ошибок. Совершенствование данного института требует комплексного подхода, направленного как на детальную регламентацию и централизацию контроля за процедурами, так и на гуманизацию санкционного режима, введение более дифференцированных и соразмерных мер ответственности. На основе процессного подхода к анализу услуги и с учётом выявленных проблемных аспектов, предлагается система ключевых показателей эффективности (далее – KPI), структурированная по четырём основным целевым направлениям.

Таблица

Направление и цель	KPI)	Метод расчёта / Формула	Целевое значение (год 1)
1. Качество и результат услуги			
Сокращение ошибок и повышение соответствия	Доля решений, принятых с нарушением установленных сроков	$(\text{Кол-во решений с нарушением сроков} / \text{Общее кол-во решений}) \times 100\%$	Снижение на 40%
	Доля заявлений, возвращённых из-за неполного пакета документов	$(\text{Кол-во возвращённых заявлений} / \text{Общее кол-во поданных}) \times 100\%$	Снижение на 60%
Объективность и прозрачность	Индекс удовлетворённости заявителей (УК)	Результаты анкетирования по шкале (1–5) по критериям: ясность статуса, простота подачи, качество обратной связи.	≥ 4.2 балла
2. Скорость и доступность услуги			
Сокращение сроков оказания	Средний срок рассмотрения заявления (от подачи до решения)	$\Sigma (\text{Время рассмотрения каждого заявления}) / \text{Общее кол-во заявлений}$	≤ 15 рабочих дней
Устранение административных барьеров	Доля услуг, оказанных в электронной форме без визита заявителя	$(\text{Кол-во заявлений, поданных и завершённых онлайн} / \text{Общее кол-во}) \times 100\%$	95%
3. Эффективность и экономия ресурсов			
Снижение операционных издержек органа власти	Трудозатраты на обработку одного заявления	$(\text{Общие трудозатраты сотрудников в чел./час. за период}) / (\text{Кол-во обработанных заявлений})$	Снижение на 35%
	Сокращение расходов на документооборот (бумага, печать, курьерская связь)	Сравнение бюджетных затрат до и после внедрения (в руб.)	Снижение на 50%
Оптимизация межведомственного взаимодействия (далее – МВЭИ)	Среднее время получения справки через систему МВЭИ	$\Sigma (\text{Время от запроса до получения ответа из всех ГИС}) / \text{Общее кол-во запросов}$	≤ 1 рабочего дня

Направление и цель	KPI)	Метод расчёта / Формула	Целевое значение (год 1)
4. Влияние на рынок и регуляторную среду			
Повышение дисциплины на рынке	Сокращение количества УК, лишённых лицензии по причине сокрытия информации	$(\text{Кол-во УК, лишённых лицензии за год}) / (\text{Общее кол-во лицензированных УК}) \times 100\%$	Снижение на 25%
	Увеличение доли раскрываемой информации об УК в ГИС ЖКХ	$(\text{Кол-во УК, полностью раскрывших сведения в ГИС ЖКХ} / \text{Общее кол-во УК в реестре}) \times 100\%$	98%

Данная система KPI построена на принципах сбалансированности между показателями результата (например, сроки, доля онлайн-услуг) и показателями процесса (например, время МВЭИ, трудозатраты), что является залогом эффективного управления. Экономический эффект оценивается путём сравнения затрат и результатов в двух сценариях: «базовый» (существующий бумажный/смешанный процесс) и «целевой» (после внедрения цифровой платформы). Опыт внедрения систем KPI и автоматизации в бизнес-процессах показывает, что можно ожидать снижения операционных затрат на 10–20% и значительного сокращения сроков выполнения процессов [4].

Таким образом, внедрение цифровой платформы лицензирования, управляемое через предложенную систему KPI, является не только технической модернизацией, но и экономически эффективным проектом. Он обеспечит прямую бюджетную экономию за счёт сокращения операционных издержек в краткосрочной перспективе, а также создаст основу для качественного преобразования рынка управляющих компаний, что в конечном итоге приведёт к защите прав и повышению благосостояния граждан – конечных потребителей услуг.

Литература

1. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг: Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Российская газета. – 2010. – № 168.

2. Бондаренко С.А. Правовая природа договорных отношений с участием многофункционального центра предоставления государственных и муниципальных услуг // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2020. – № 18. – С. 11-13.

3. Манахова И.В. Влияние потребителей на повышение качества электронных государственных услуг / И.В. Манахова, И.А. Земскова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. – 2018. – № 4. – С. 394-400.

4. Сафина Д.М. Управление ключевыми показателями эффективности: учебное пособие / Д.М. Сафина. – Казань: Казан. ун-т – 2018. – 123 с.

5. Трыканова С.А. Направления совершенствования организационно-правовых подходов к повышению результативности предоставления государственных и муниципальных услуг на региональном уровне // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 1. – С. 97-100.

6. Федоров А.С. Правовые проблемы лицензирования деятельности по управлению многоквартирными домами / А.С. Федоров, Е.А. Федорова. // Молодой ученый. – 2020. – № 4 (294). – С. 435-437.

7. Шестакова А.С. Последствия совершения управляющими компаниями грубых нарушений лицензионных требований // Молодой ученый. – 2018. – № 45 (231). – С. 196-199.

SLADKIKH Maria Alexandrovna

Master's Student, St. Petersburg State University of Economics, Russia, St. Petersburg

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF IMPLEMENTING A DIGITAL LICENSING PLATFORM FOR MANAGEMENT COMPANIES AS A MECHANISM FOR IMPROVING THE QUALITY OF PUBLIC SERVICES

Abstract. *This article examines the challenging aspects of providing the public service of licensing management companies. Based on process analysis and expert assessments, a conceptual model of a digital platform focused on quality management has been developed. A system of key performance indicators (KPIs) is proposed, and an assessment of the economic impact of its implementation is conducted, demonstrating a significant reduction in costs and service delivery time.*

Keywords: *licensing of management companies, digital platform, quality of public services, key performance indicators, economic impact, housing and utilities.*

10.5281/zenodo.18248296

ШИШКИНА Алена Юрьевна

студентка, Уральский государственный экономический университет, Россия, г. Екатеринбург

*Научный руководитель – доцент Уральского государственного экономического университета,
кандидат педагогических наук Цибилов Виктор Александрович*

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕХАНИЗМОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА: СУБСИДИРОВАНИЕ, ЛЬГОТНОЕ КРЕДИТОВАНИЕ И НАЛОГОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ

Аннотация. В статье анализируются действующие формы государственной поддержки сельского хозяйства России – субсидирование, льготное кредитование и налоговое стимулирование, оцениваются их масштаб, результаты и ограничения, а также предлагаются направления институциональной настройки указанных механизмов в условиях высокой макроэкономической и климатической неопределённости.

Ключевые слова: государственное управление, аграрная политика, сельское хозяйство, сельские территории, государственные программы, эффективность.

Сельское хозяйство в современной России занимает относительно скромную долю в валовом внутреннем продукте (около 4% добавленной стоимости экономики в 2024 году), но обеспечивает продовольственную безопасность, занятость миллионов людей и освоение огромных территорий страны. По данным Росстата, в 2025 году в сельской местности проживает порядка 36,4 млн человек, то есть примерно четверть населения страны, что при высокой степени урбанизации делает сельские территории особой зоной ответственности публичной власти.

В последние годы аграрный сектор показал противоречивую динамику. В 2023 году были достигнуты целевые показатели государственной программы развития сельского хозяйства, обеспечен рост инвестиций и экспорта продукции АПК, однако в 2024 году индекс производства сельхозпродукции снизился до 96,8% к уровню предыдущего года, что связано прежде всего с падением урожая в растениеводстве. В этих условиях особую значимость приобретает совершенствование деятельности органов государственной власти в части планирования, реализации и мониторинга аграрной политики.

Государственное регулирование сельского хозяйства базируется на конституционном

разграничении предметов ведения между Российской Федерацией и её субъектами, где вопросы владения, пользования и распоряжения землёй, природными ресурсами, а также собственности, предпринимательства и общих принципов организации органов власти закреплены в статьях 71-72 Конституции РФ. Это предопределяет многоуровневый характер аграрной политики, сочетание федеральных, региональных и муниципальных полномочий [5].

Базовым актом, определяющим правовые основы реализации государственной социально-экономической политики в аграрной сфере, является Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства». Закон закрепляет понятие сельскохозяйственных товаропроизводителей, общие цели и задачи государственной аграрной политики, формы и механизмы государственной поддержки, а также принципы долгосрочного программного подхода к развитию отрасли [1].

Практическая реализация положений закона осуществляется через государственную программу «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия», которая в обновлённой редакции действует до 2030 года. Паспорт программы определяет цели, задачи,

подпрограммы, систему показателей и объём бюджетного финансирования. Основной объём средств федерального бюджета, направляемых в аграрный сектор, сосредоточен именно в рамках этой программы: только в 2026–2028 годах ежегодный объём финансирования превышает 290–338 млрд руб., что отражает сохранение приоритета поддержки АПК в бюджетной политике [3].

Дополняющим документом выступает Федеральная научно-техническая программа развития сельского хозяйства на 2017–2030 годы, нацеленная на создание и внедрение передовых агротехнологий, селекционно-генетических разработок и цифровых решений. Её реализация должна обеспечить основу для перехода к более продуктивному и экологически устойчивому землепользованию.

Важнейшее значение для пространственного измерения аграрной политики имеет Стратегия устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года, утверждённая распоряжением Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р. Документ ориентирован на обеспечение устойчивого повышения качества и уровня жизни сельского населения, сокращение инфраструктурного и социального разрыва между городом и деревней, а также стабилизацию численности сельских жителей. На основе Стратегии сформирована государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий», реализуемая с 2020 года и неоднократно корректировавшаяся в части целевых индикаторов и механизмов поддержки инфраструктурных проектов [2].

Таким образом, правовая и программная база аграрной политики достаточно развита и охватывает производственные, научно-технические и социально-территориальные компоненты развития сельского хозяйства. Вместе с тем её реализация сталкивается с целым рядом проблем, выявляемых в том числе контрольными органами. Анализ Счётной палаты указывает на необходимость повышения согласованности целей программ, усиления взаимосвязи показателей и более тщательного мониторинга конечных результатов на уровне сельских территорий.

По данным национальных докладов Минсельхоза России, в 2023 году аграрный сектор демонстрировал высокие показатели: индекс производства продукции сельского хозяйства и пищевой промышленности соответствовал

запланированным значениям, рост заработной платы в сельском хозяйстве и экспорт продукции АПК также достиг поставленных ориентиров. Экспорт продукции АПК в 2023 году приближается к 43,5 млрд долларов США, что сопоставимо с рекордными значениями последних лет.

Инвестиции в основной капитал АПК в 2023 году превысили 1 трлн руб., при этом их индекс составил 103,3%. Средства направлялись на обновление техники и оборудования, приобретение племенного поголовья, проведение мелиоративных мероприятий и закладку многолетних насаждений. Объём финансирования государственной программы развития сельского хозяйства в 2023 году составил около 442,6 млрд руб., при уровне кассового исполнения порядка 99,9%, что говорит о высокой степени освоения бюджетных ассигнований. Значительная часть ресурсов была реализована через механизм льготного кредитования, объём договоров по которому превысил 1,3 трлн руб., позволяя аграриям привлекать ресурсы по ставкам, существенно ниже рыночных.

Однако уже в 2024 году ситуация осложнилась: по данным Росстата, индекс производства сельскохозяйственной продукции составил 96,8%, что означает снижение объёма производства примерно на 3,2% по сравнению с 2023 годом. Выпуск продукции растениеводства в хозяйствах всех категорий сократился на 6,5%, что связано с неблагоприятными погодными условиями и снижением урожайности основных зерновых культур, тогда как животноводство продемонстрировало рост около 0,9%. Подобная динамика демонстрирует уязвимость аграрного сектора к природно-климатическим факторам и существенную зависимость конечных результатов от колебаний урожая даже на фоне активной государственной поддержки.

Отдельного внимания заслуживает пространственный разрез развития сельского хозяйства. По данным Росстата и аналитических материалов по сельским территориям, численность сельского населения на 1 января 2021 года составляла около 36,9 млн человек, при этом сохраняется тенденция медленного сокращения и миграционного оттока в города. Одновременно в ряде регионов доля аграрного сектора в валовом региональном продукте заметно выше средней по стране, что делает такие субъекты особенно чувствительными к колебаниям аграрных рынков и эффективности господдержки.

Контрольно-надзорные органы фиксируют неоднородность результатов реализации программ развития сельских территорий. Счётная палата в своих докладах обращает внимание на случаи, когда построенная инфраструктура (газораспределительные сети, водопроводы) не доводится до конечного потребителя, что снижает социальный эффект от вложенных бюджетных средств и ухудшает восприятие государственной политики гражданами.

В целом анализ показывает, что при достаточно масштабном объёме финансовых ресурсов и наличии разветвлённой программной архитектуры результаты в части устойчивого роста производства, повышения устойчивости к рискам и улучшения качества жизни сельского населения остаются неоднородными.

Сложившаяся ситуация позволяет выделить несколько наиболее важных направлений улучшения работы федеральных и региональных органов власти в сфере аграрного развития.

Требуется развитие стратегического и программного управления с усилением согласованности целей и показателей. Стратегия устойчивого развития сельских территорий, государственная программа развития сельского хозяйства и программа «Комплексное развитие сельских территорий» должны рассматриваться как взаимодополняющие элементы единой системы, а не как набор параллельных документов. На практике это означает согласование индикаторов, устранение дублирования мероприятий и формирование сквозных целевых показателей, отражающих не только объём произведённой продукции, но и качество жизни, состояние инфраструктуры, показатели занятости и демографические тренды в сельской местности [6].

Необходима дальнейшая настройка механизмов государственной поддержки. Анализ реализации программы развития сельского хозяйства показывает, что наибольшим спросом пользуется льготное кредитование, тогда как часть других инструментов, особенно ориентированных на малые формы хозяйствования, осваивается медленнее. Важно усиливать адресность мер, развивать инструменты, учитывающие размер хозяйства, уровень его технологического развития и региональные особенности. Проведённые в 2025 году корректировки правил предоставления субсидий и целевых показателей госпрограммы АПК, направленные на повышение эффективности расходования средств и усиление поддержки

инвестиционных проектов, показывают движение в нужном направлении, но требуют расширения практики регулярной оценки регуляторного воздействия и диалога с профессиональным сообществом.

Необходимо активнее внедрять пространственный подход к развитию сельских территорий. Стратегия до 2030 года прямо ориентирована на сокращение инфраструктурного разрыва между городом и селом, развитие социальных услуг, транспортной и инженерной инфраструктуры. Органы государственной власти должны переходить от логики поддержки исключительно производственной составляющей АПК к комплексному развитию сельской местности: увязывать поддержку сельхозпроизводителей с программами строительства дорог, школ, ФАПов, объектов культуры и спорта; развивать механизм межведомственных проектов, когда в одном сельском поселении одновременно модернизируется социальная и производственная инфраструктура [9].

Усиливается потребность в цифровой трансформации управления аграрным сектором. В аналитических обзорах по сельскому хозяйству в России цифровизация называется одним из ключевых факторов конкурентоспособности отрасли в среднесрочной перспективе. Речь идёт не только о внедрении точного земледелия и цифровых платформ для фермеров, но и о модернизации управленческих процессов в самих органах власти: переходе к единому «цифровому контуру» учёта сельхозпроизводителей, онлайн-мониторингу освоения субсидий, использованию геоинформационных систем для планирования мелиорации и инфраструктуры. Это позволяет повысить прозрачность, сократить транзакционные издержки для бизнеса и снизить риски нецелевого использования средств.

Требуется развития система оценки эффективности и обратной связи. Счётная палата и региональные контрольно-счётные органы уже фиксируют проблемы, связанные с тем, что часть объектов, построенных в рамках программ развития сельских территорий, остаётся недоиспользованной или не доводится до населения. Для устранения подобных ситуаций необходимо внедрение практик общественного и муниципального контроля, регулярных опросов жителей сельских территорий, а также более тесное взаимодействие органов власти с сельскими муниципалитетами и кооперативами. Акцент должен смещаться с «освоения

средств» на измеримые изменения качества жизни и деловой активности на местах [8].

Важное значение имеет координация аграрной политики с другими направлениями социально-экономического развития регионов. Исследования по устойчивому региональному развитию и землепользованию показывают, что эффективность использования земельных ресурсов и устойчивость сельской экономики определяются не только отраслевыми мерами поддержки, но и общими институтами: ясностью прав собственности, состоянием инфраструктуры, инвестиционным климатом. Это подразумевает необходимость согласования аграрной политики с региональными стратегиями, программами пространственного развития, мерами поддержки малого и среднего бизнеса и инициативами по развитию внутреннего туризма и переработки сырья.

Проведённый анализ показывает, что в России сформирована разветвлённая нормативно-правовая и программная база развития сельского хозяйства и сельских территорий. Федеральный закон № 264-ФЗ, государственная программа развития сельского хозяйства, Стратегия устойчивого развития сельских территорий и программа «Комплексное развитие сельских территорий» задают долгосрочные ориентиры аграрной политики и обеспечивают значительный объём бюджетной поддержки отрасли. Масштаб инвестиций в основной капитал АПК и достигнутые в 2023 году показатели по производству, экспорту и заработной плате свидетельствуют о высокой значимости аграрного сектора в системе приоритетов государства [4].

В то же время спад индекса производства сельхозпродукции в 2024 году, сохраняющийся демографический и инфраструктурный разрыв между городом и деревней, а также замечания контрольных органов к результативности отдельных мероприятий указывают на ограниченность существующей модели управления, ориентированной преимущественно на количественные производственные показатели и объёмы освоения бюджетных средств.

Совершенствование деятельности органов государственной власти в сфере развития сельского хозяйства предполагает переход к более согласованному стратегическому управлению, повышению адресности и дифференциации мер поддержки, внедрению пространственного подхода к развитию сельских территорий, ускоренной цифровой трансформации

управленческих процедур и построению развитой системы оценки эффективности с опорой на реальные изменения качества жизни сельского населения. Реализация этих направлений позволит не только стабилизировать производство в аграрном секторе, но и создать условия для устойчивого развития сельских территорий, что в долгосрочной перспективе станет важным фактором экономической и социальной стабильности страны.

В перспективе особую значимость приобретает развитие научно обоснованных методик оценки деятельности органов государственной власти в аграрной сфере, позволяющих сопоставлять объёмы бюджетной поддержки с реальными изменениями в производительности, устойчивости агроэкосистем и уровне жизни сельского населения. Формирование таких инструментов мониторинга и оценки, основанных на прозрачных индикаторах и открытых данных, создаст основу для более взвешенных управленческих решений, усилит доверие со стороны сельхозтоваропроизводителей и жителей сельских территорий и позволит своевременно корректировать меры государственной политики в условиях нарастающей экономической и климатической неопределённости [7].

Также необходимым условием совершенствования деятельности органов государственной власти является укрепление кадрового и институционального потенциала управления аграрной сферой: развитие системы подготовки и переподготовки государственных и муниципальных служащих с учётом специфики сельского хозяйства, формирование устойчивых каналов взаимодействия с профессиональными объединениями аграриев, научными организациями и институтами развития. Расширение практики пилотных проектов в регионах, тиражирование успешных управленческих решений, использование механизмов проектного управления и публичной отчётности по ключевым результатам создадут предпосылки для более гибкой, адаптивной и ориентированной на долгосрочный результат государственной аграрной политики.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ «О развитии сельского хозяйства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 1 (ч. 1). – Ст. 27.
2. Распоряжение Правительства РФ от 02.02.2015 № 151-р «Об утверждении Стратегии

устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 7. – Ст. 1064.

3. Государственная программа Российской Федерации «Развитие сельского хозяйства и регулирование рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» до 2030 года: Паспорт государственной программы (ред. 2025 г.). – Офиц. сайт правовой информации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_513951/ (дата обращения: 02.12.2025).

4. Государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий»: Постановление Правительства РФ, изменения 2020–2024 гг. – Офиц. сайт правовой информации. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_399366/ (дата обращения: 02.12.2025).

5. Национальный доклад о ходе и результатах реализации в 2023 году Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия / Минсельхоз России, 2024 // Правительство Российской Федерации. – URL: <https://government.ru/news/52017/> (дата обращения: 02.12.2025).

6. Индекс производства продукции сельского хозяйства в 2024 году: оперативные данные Росстата. – Росстат, 2025. – URL: <https://xn--e1alid.xn--p1ai/journal/publication/selkhozproduzvodstvo-sokratilos-na-32-v-2024-godu-rosstat> (дата обращения: 02.12.2025).

7. Инвестиции в основной капитал АПК в 2023 году превысили 1 трлн рублей // Агроинвестор. – 05.07.2024. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/news/42577-investitsii-v-osnovnoy-kapital-apk-v-2023-godu-prevysili-1-trln-rubley/> (дата обращения: 02.12.2025).

8. Сельское хозяйство в России: тенденции развития, проблемы, сценарии // Делойт. Открытая аналитика. – 03.10.2025. – URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/selskoe-khozyaystvo-v-rossii-tendentsii-razvitiya-problemy-stsenarii/> (дата обращения: 02.12.2025).

9. Численность городских и сельских жителей в России в 2025 году // Яндекс.Недвижимость. – 07.06.2025. – URL: <https://realty.yandex.ru/journal/post/gorodskoe-selskoe-naselenie-rossii/> (дата обращения: 02.12.2025).

SHISHKINA Alyona Yurievna

Student, Ural State University of Economics, Russia, Yekaterinburg

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Ural State University of Economics,
Candidate of Pedagogical Sciences Tsibikov Victor Alexandrovich*

IMPROVING STATE SUPPORT MECHANISMS FOR AGRICULTURE: SUBSIDIES, PREFERENTIAL LOANS AND TAX INCENTIVES

Abstract. The article analyzes the current forms of state support for agriculture in Russia – subsidies, preferential loans and tax incentives, assesses their scale, results and limitations, and suggests ways to adjust these mechanisms institutionally in conditions of high macroeconomic and climatic uncertainty.

Keywords: public administration, agrarian policy, agriculture, rural areas, government programs, efficiency.

ПЕДАГОГИКА

ГРЕБЕНИК Евгения Александровна

воспитатель, МБДОУ «Ровеньский детский сад № 1 комбинированного вида»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

ЛЕВДА Галина Николаевна

воспитатель, МБДОУ «Ровеньский детский сад № 1 комбинированного вида»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

ИЩЕНКО Надежда Николаевна

воспитатель, МБДОУ «Ровеньский детский сад № 1 комбинированного вида»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

ЗОЛОТАРЕВА Татьяна Сергеевна

учитель-логопед, МБДОУ «Ровеньский детский сад № 1 комбинированного вида»,
Россия, Белгородская область, п. Ровеньки

РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И СОЦИАЛИЗАЦИИ РЕБЁНКА. ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНЫХ НАВЫКОВ У ДЕТЕЙ С ОНР В УСЛОВИЯХ ЛОГОПЕДИЧЕСКОЙ ГРУППЫ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития личности и социализации детей с общим недоразвитием речи (ОНР) в условиях логопедической группы. Раскрывается влияние речевых нарушений на коммуникативную активность, эмоционально-волевую сферу и социальное взаимодействие ребёнка. Описаны условия, методы и технологии, используемые педагогами для формирования коммуникативных умений: развитие понимания речи, обучение диалогической и монологической формам высказывания, организация игровой и совместной деятельности. Отмечена важность эмоционально комфортной среды и сотрудничества с семьёй. Подчёркивается, что систематическая коррекционно-развивающая работа способствует успешной социализации детей с ОНР и поддерживает их личностный рост.

Ключевые слова: развитие личности, социализация, дети с ОНР, общее недоразвитие речи, коммуникативные навыки, логопедическая группа, речевое развитие, диалогическая речь, монологическая речь, речевые технологии, коррекционная педагогика.

Развитие личности и социализация ребёнка – ключевые направления дошкольного образования. Особое значение они приобретают в работе с детьми, имеющими общее недоразвитие речи (ОНР). Нарушения в речевом развитии затрудняют полноценное общение со сверстниками и взрослыми, что может отражаться на эмоциональном состоянии, формировании самооценки, инициативности и способности выстраивать социальные отношения.

Логопедическая группа предоставляет специальные условия, способствующие коррекции речевых нарушений и созданию среды для полноценной социализации и личностного роста каждого ребёнка.

Особенности развития личности и социализации детей с общим недоразвитием речи.

1. Речевые трудности как барьер социализации

У детей с общим недоразвитием речи наблюдаются нарушения всех компонентов речи: фонетико-фонематического восприятия,

словаря, грамматического строя и связного высказывания [1]. Это приводит к следующим трудностям:

- затруднения в выражении мыслей и желаний;
- ограниченные возможности для участия в диалоге;
- избегание общения из-за страха непонимания;
- трудности в установлении и поддержании дружеских контактов.

В результате может формироваться неуверенность, повышенная тревожность, зависимость от взрослого или, напротив, агрессивная модель поведения [6].

2. Влияние речевого развития на личность

Речь выполняет не только коммуникативную, но и регулирующую, когнитивную функцию [6]. Поэтому у детей с общим недоразвитием речи могут наблюдаться [3, 5]:

- задержка развития познавательных процессов (памяти, внимания, мышления);
- слабая сформированность навыков саморегуляции;
- трудности в принятии правил и норм поведения;
- несформированность эмоционально-волевой сферы.

Это делает процесс социализации более длительным и требует индивидуально ориентированного подхода.

Роль логопедической группы в социализации детей с общим недоразвитием речи.

Логопедическая группа создаёт условия, позволяющие сочетать коррекционно-развивающую работу с полноценной социальной практикой. Основные приоритеты такой группы:

1. Индивидуально-дифференцированный подход

Методические рекомендации Филичевой Т. Б. и Чиркиной Г. В. подчеркивают важность индивидуального планирования коррекционной работы при общем недоразвитии речи [2].

Каждый ребёнок имеет свои особенности темпа развития, речевых нарушений, уровня коммуникативных навыков. Логопед и воспитатели планируют работу, учитывая индивидуальные трудности.

2. Использование специальных методов и технологий

В логопедической группе активно применяются:

- игровые технологии речевого развития;
- логоритмика;
- пальчиковые и артикуляционные игры;
- метод моделирования речевых ситуаций;
- работа в малых подгруппах для формирования диалоговой речи [3, 4].

3. Развитие коммуникативной активности

Роль игры в становлении коммуникации отмечена в работах Д. Б. Эльконина [7].

Педагог целенаправленно организует деятельность, в которой ребёнок вынужден вступить во взаимодействие:

- совместные игры;
- коллективные творческие задания;
- речевые поручения;
- мини-беседы;
- сюжетно-ролевые игры, включающие использование речевых формул.

4. Создание эмоционально комфортной среды

Положительная атмосфера снижает тревожность и способствует раскрытию личности ребёнка [8]. Особое внимание уделяется:

- поощрению инициативы;
- формированию положительного опыта успешного общения;
- поддержке всех попыток речевого взаимодействия.

Формирование коммуникативных навыков у детей с общим недоразвитием речи.

1. Развитие понимания речи

Коррекционная практика включает развитие словаря, грамматики и умения понимать инструкции разной сложности [1, 3].

Базовый этап, включающий:

- работу над словарем и грамматическими конструкциями;
- упражнение в понимании инструкций различной сложности;
- уточнение значений слов и понятий.

2. Формирование навыков диалогической речи

Включает обучение:

- умению задавать вопросы и отвечать на них;
- владению речевыми этикетными формулами;
- последовательному построению диалога;
- соблюдению правил общения (не перебивать, слушать собеседника, ждать очереди) [2].

Для этого используются: диалогические игры («Интервью», «Что изменилось?», «Догони звук»); упражнения на развитие инициативы речи; парные задания.

3. Развитие монологической речи

Работа направлена на:

- составление коротких рассказов;
- пересказ художественных произведений;
- описание предметов и ситуаций;
- использование логических связей.

Упражнения включают моделирование (схемы, пиктограммы), опорные картинки, коллективное обсуждение сюжетов [4].

4. Включение речи в повседневную деятельность

Коммуникация формируется не только на занятиях, но и в бытовых ситуациях: приём пищи, одевание, прогулка, дежурства [9].

Педагог стимулирует детей к высказываниям, комментированию своих действий, взаимодействию со сверстниками.

Роль игры в социализации и формировании речевых навыков.

Сюжетно-ролевые и подвижные игры – главный инструмент развития социальных и коммуникативных умений детей с общим недоразвитием речи [7].

Через игру ребёнок:

- учится распределять роли и следовать правилам;
- переживает ситуации социального взаимодействия;
- осваивает модели поведения, принятые в обществе;
- расширяет словарный запас;
- учится выражать эмоции и понимать чувства другого [10].

Игры с правилами способствуют формированию самоконтроля, способности договариваться, принимать решения – качеств, необходимых для успешной социализации.

Взаимодействие педагогов и семьи.

Эффективность социализации ребёнка с общим недоразвитием речи значительно повышается при условии сотрудничества с родителями. Важно:

- информировать семью о достижениях и трудностях ребёнка;
- давать рекомендации по речевым играм и домашним упражнениям;

- вовлекать родителей в совместные мероприятия (праздники, творческие проекты, игровые занятия);
- формировать позитивную мотивацию к речевому развитию.

Единый подход семьи и педагогов обеспечивает устойчивость результата [8, 9].

Заключение

Развитие личности и социализация детей с общим недоразвитием речи тесно связаны с формированием их коммуникативных навыков. Логопедическая группа создаёт особые условия, позволяющие сочетать коррекционно-развивающую работу с практикой социального взаимодействия.

Систематическая поддержка, эмоционально комфортная среда, использование специальных методов и активное включение семьи помогают ребёнку преодолевать речевые трудности, уверенно вступать в общение и успешно адаптироваться в коллективе.

Через развитие речи ребёнок раскрывает личностный потенциал, формирует позитивное отношение к себе и окружающим – а это основа гармоничного развития и успешной социализации [1, 2, 3].

Литература

1. Лалаева Р.И. Общее недоразвитие речи у детей. – СПб.: Речь, 2010.
2. Филичева Т.Б., Чиркина Г.В. Методика обучения и воспитания детей с общим недоразвитием речи. – М.: Просвещение, 2012.
3. Никашина Н.А., Ефименкова Л.Н. Коррекция нарушений речи у дошкольников. – М.: Владос, 2015.
4. Жукова Н.С. Логопедическая работа в детском саду: программа и методические рекомендации. – М.: Мозаика-Синтез, 2017.
5. Львов М.Р. Основы теории речевой деятельности. – М.: Академия, 2013.
6. Выготский Л.С. Мышление и речь. – М.: Лабиринт, 2014.
7. Эльконин Д.Б. Психология игры. – М.: Педагогика, 2016.
8. Селиверстов В.И. Социализация детей дошкольного возраста: теория и практика. – М.: Юрайт, 2019.
9. Шатова Н.А. Сюжетно-ролевая игра как средство развития коммуникации дошкольников. – СПб.: Детство-Пресс, 2018.
10. Коломинский Я.Л. Психология общения дошкольников. – М.: Педагогика, 2011.

GREBENIK Evgeniya Alexandrovna

Educator, MBDOU "Rovensky Kindergarten No. 1 of Combined Type",
Russia, Belgorod Region, Rovenki

LEVDA Galina Nikolaevna

Educator, MBDOU "Rovensky Kindergarten No. 1 of Combined Type",
Russia, Belgorod Region, Rovenki

ISHCHENKO Nadezhda Nikolaevna

Educator, MBDOU "Rovensky Kindergarten No. 1 of Combined Type",
Russia, Belgorod Region, Rovenki

ZLOTAREVA Tatiana Sergeevna

Teacher-Speech Therapist, MBDOU "Rovensky Kindergarten No. 1 Combined Type",
Russia, Belgorod Region, Rovenki

PERSONAL DEVELOPMENT AND SOCIALIZATION OF THE CHILD. FORMATION OF COMMUNICATION SKILLS IN CHILDREN WITH OND IN A SPEECH THERAPY GROUP

Abstract. *The article examines the peculiarities of personality development and socialization of children with general speech underdevelopment (OND) in a speech therapy group. The influence of speech disorders on the communicative activity, emotional-volitional sphere and social interaction of the child is revealed. The conditions, methods and technologies used by teachers for the formation of communicative skills are described: the development of understanding speech, teaching dialogical and monological forms of utterance, the organization of play and joint activities. The importance of an emotionally comfortable environment and cooperation with the family was noted. It is emphasized that systematic corrective and developmental work contributes to the successful socialization of children with OND and supports their personal growth.*

Keywords: *personality development, socialization, children with OND, general speech underdevelopment, communicative skills, speech therapy group, speech development, dialogic speech, monologue speech, speech technologies, correctional pedagogy.*

НИСИН Кирилл Сергеевич

заместитель начальника курса факультета пожарной и техносферной безопасности,
Академия государственной противопожарной службы МЧС России, Россия, г. Москва

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА В СТРУКТУРЕ МЧС РОССИИ: СУЩНОСТЬ, ОСОБЕННОСТИ И РОЛЬ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕДОМСТВА

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена корпоративной культуры в рамках такого уникального государственного органа, как МЧС России. Актуальность темы обусловлена ключевой ролью организационной культуры в обеспечении эффективности, слаженности действий и поддержании высокого морально-психологического состояния личного состава, чья деятельность протекает в экстремальных и зачастую опасных для жизни условиях. Цель работы заключается в комплексном анализе специфики, структурных элементов и функционального значения корпоративной культуры МЧС России. На основе системного подхода и анализа открытых источников исследуются исторические предпосылки формирования данной культуры, ее базовые ценности, символические и ритуальные аспекты. Делается вывод о том, что корпоративная культура МЧС представляет собой синтез воинской дисциплины, ценностей государственной службы и гуманистической этики спасателя, выступая важнейшим неформальным институтом, который консолидирует коллектив, формирует его позитивный внешний имидж и напрямую влияет на выполнение оперативных задач.

Ключевые слова: корпоративная культура, МЧС России, ведомственная культура, безопасность, спасательная служба, ценности, командный дух, социокультурная среда, организационная культура.

Введение

В современном менеджменте корпоративная (организационная) культура признается одним из ключевых факторов успеха и устойчивости любой организации. В государственных структурах, особенно в силовых ведомствах, ее значение многократно возрастает, поскольку она становится не просто инструментом управления, а основой идеологии, морального духа и оперативной эффективности [1]. МЧС России представляет собой особый случай, сочетающий в себе черты военизированной организации, гражданской службы и гуманитарной миссии. Уникальность задач – от тушения пожаров и ликвидации последствий катастроф до международной помощи – формирует исключительную по своей силе и содержанию корпоративную культуру. Целью данной статьи является комплексный анализ особенностей, структуры и функций корпоративной культуры в системе МЧС России. Для достижения поставленной цели необходимо раскрыть сущность и компоненты корпоративной культуры применительно к силовым ведомствам, выявить исторические и социальные предпосылки ее формирования в МЧС, проанализировать базовые ценности, символы, традиции и

ритуалы, а также оценить ее роль в обеспечении эффективности деятельности и укреплении имиджа ведомства. Объектом исследования выступает МЧС России, а предметом – его корпоративная (ведомственная) культура.

Теоретико-методологические и прикладные аспекты корпоративной культуры МЧС России

В теории менеджмента под корпоративной культурой понимается совокупность разделяемых членами организации ценностей, убеждений, норм поведения, традиций и символов, которые определяют способ ее функционирования и взаимодействия с внешней средой [1]. В контексте государственных силовых структур более релевантным является термин «ведомственная культура», подчеркивающий ее формализованный, иерархический и идеологически насыщенный характер. Наиболее применимой для анализа данной культуры представляется концепция уровней Эдгара Шейна, согласно которой культура состоит из трех взаимосвязанных пластов [2]. Поверхностный уровень образуют артефакты – видимые проявления культуры, такие как форма, символика, ритуалы и стиль общения. Средний уровень составляют провозглашаемые ценности –

стратегии, цели и философия, зафиксированные в уставах и кодексах. Глубинный, базовый уровень образуют подсознательные, неявные убеждения и восприятия, которые в конечном счете и определяют реальное поведение людей в организации. В силовых структурах, к которым с известными оговорками можно отнести и МЧС России, все эти уровни отличаются высокой степенью формализации и обязательности, что продиктовано необходимостью беспрекословного подчинения, слаженности действий и минимизации рисков в экстремальных ситуациях.

Культура МЧС России не возникла на пустом месте. Ее фундамент был заложен в советский период системами гражданской обороны и противопожарной службы, для которых были характерны строгая дисциплина, централизация и милитаризованный уклад. Однако качественный скачок и формирование уникальной идентичности произошли с созданием в 1990 году Государственного комитета РСФСР по чрезвычайным ситуациям, а затем и федерального министерства в 1994 году [3]. На этот процесс решающее влияние оказали два ключевых фактора. Во-первых, личностный фактор, связанный с деятельностью первого министра Сергея Кужугетовича Шойгу, который стал не только организатором, но и «символическим лидером», чьи принципы – профессионализм, личная ответственность, внимание к нуждам личного состава – легли в основу ведомственного этоса. Во-вторых, фактор реальных угроз и вызовов. Ликвидация последствий крупнейших катастроф, таких как авария на Саяно-Шушенской ГЭС или масштабные лесные пожары 2010 года, сформировала культуру быстрого реагирования, взаимовыручки в экстремальных условиях и высокой социальной ответственности. Таким образом, культура МЧС – это культура, «рожденная в боях», что наложило на нее отпечаток практицизма, героизма и особого братства.

Анализ культуры МЧС через призму модели Шейна позволяет выделить ее конкретные элементы [2]. На глубинном уровне лежат базовые представления и ценности, которые редко проговариваются, но определяют все остальное. К ним относятся высший приоритет человеческой жизни как принцип, отличающий спасательную службу от чисто силовых ведомств; глубокая убежденность в коллективизме и

взаимовыручке как условия выживания и успеха задачи; вера в профессионализм и компетентность как единственную основу для победы над стихией; а также негласно принимаемая готовность к самопожертвованию [6]. Эти базовые представления транслируются и формализуются на уровне провозглашаемых ценностей и норм. Они воплощаются в девизах и лозунгах, таких как «Предотвращение, спасение, помощь» или «Мужество, честь, отвага!»; в строгих формальных кодексах – Уставе и военной присяге; а также в культе профессионального обучения, центром которого выступает система ведомственных вузов, являющихся не только образовательными, но и основными институтами трансляции корпоративных ценностей.

Наиболее наглядна и узнаваема система артефактов – видимых проявлений культуры. Символы и атрибуты несут мощную смысловую нагрузку. Форменная одежда, и в особенности оранжевый берет спасателя, стал для населения страны однозначным символом надежды и помощи, а его цвет выбран сугубо прагматично – для лучшей видимости в зоне чрезвычайной ситуации. Геральдические знаки – флаг и эмблема МЧС с ее звездой Надежды и Спасения, лавровым венком и раскрытой книгой – визуально кодируют готовность прийти на помощь, славу и знания. Ведомственные награды материализуют признание заслуг и поощряют следование эталонам поведения. Традиции и ритуалы играют ключевую роль в поддержании и воспроизводстве культуры. Торжественная присяга и ритуал посвящения в спасатели формируют чувство принадлежности и момент перехода в новый статус. Ежегодное празднование Дня спасателя 27 декабря служит главным корпоративным праздником, сопровождаемым церемониями награждения и чествования героев. Особое значение имеют ритуалы памяти – минуты молчания, возложение цветов к мемориалам погибших сотрудников, – которые поддерживают связь поколений, культивируют уважение к подвигу и служат мощным эмоциональным скрепляющим элементом для всего сообщества.

Корпоративная культура МЧС выполняет ряд критически важных функций, напрямую влияющих на эффективность ведомства. Интегрирующая и мотивирующая функция заключается в формировании у сотрудников,

независимо от должности и региона службы, сильного чувства общности и корпоративной идентичности. Это мощный мотивационный ресурс, особенно в условиях, когда материальная мотивация в государственной службе может уступать коммерческому сектору. Регулирующая и стабилизирующая функция состоит в том, что культура дополняет формальные уставы, задавая негласные, но хорошо понятные всем правила поведения в нестандартных и стрессовых ситуациях. Она предписывает, как действовать при внезапной угрозе, обеспечивая слаженность и предсказуемость действий почти на уровне подсознательных реакций. Адаптивная и развивающая функция облегчает социализацию новых сотрудников, помогая им быстро усвоить нормы, ценности и модели поведения, необходимые для выживания и эффективной работы в коллективе. Имиджевая и репутационная функция заключается в формировании в общественном сознании образа МЧС как надежного, профессионального и гуманистичного ведомства [4]. Героические нарративы, медийный образ спасателя-альтруиста укрепляют общественное доверие и социальную легитимность министерства. Наконец, нельзя не отметить защитную функцию. Культура служит психологическим «буфером» для личного состава, помогая перерабатывать тяжелый стресс и травматический опыт через принадлежность к сильному братству, разделяющему общие ценности и глубоко уважающему как подвиг, так и обычный ежедневный труд.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать ряд обоснованных выводов. Корпоративная культура МЧС России представляет собой целостный и динамичный социальный феномен, сформированный на стыке военной организации, государственной службы и гуманитарной миссии. Она уходит корнями в историю советской гражданской обороны, но обрела свою уникальную идентичность в процессе ликвидации реальных крупномасштабных чрезвычайных ситуаций под влиянием как сильного лидерства, так и объективных вызовов времени. Структурно данная культура включает в себя глубинные представления о ценности жизни и взаимовыручке, формально закрепленные ценности мужества и профессионализма, а также яркую систему символов и ритуалов, ежедневно воспроизводящих и укрепляющих

корпоративный дух. Она выполняет жизненно важные для ведомства функции: сплачивает коллектив, регулирует поведение в экстремальных условиях, формирует положительный внешний имидж и обеспечивает психологическую устойчивость личного состава. Таким образом, корпоративная культура является не просто сопутствующим элементом, а ключевым неформальным институтом и стратегическим ресурсом МЧС России. Она напрямую влияет на оперативную эффективность, боевой дух и способность ведомства выполнять свою высокую миссию по защите жизни и здоровья граждан. Дальнейшее изучение и осознанное развитие этой культуры, с учетом современных вызовов и цифровой трансформации, остается актуальной задачей для руководства и научного сообщества.

Литература

1. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании: учебное пособие / Т.О. Соломанидина. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: ИНФРА-М, 2019. – 624 с.
2. Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство: пер. с англ. / Э.Х. Шейн. – 5-е изд. – Санкт-Петербург: Питер, 2018. – 352 с.
3. История МЧС России: официальный сайт МЧС России [Электронный ресурс]. – URL: <https://mchs.gov.ru/history/> (дата обращения: 14.01.2026).
4. Сорокин В.И. Об основах формирования корпоративной культуры в системе МЧС России / В. И. Сорокин // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. – 2018. – № 3 (10). – С. 106-113. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osnovah-formirovaniya-korporativnoy-kultury-v-sisteme-mchs-rossii> (дата обращения: 13.01.2026)
5. Указ Президента Российской Федерации от 16 октября 2019 г. № 501 «О стратегии в области развития гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах на период до 2030 года» – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44747> (дата обращения: 14.01.2026).
6. Каширский, Д. В. Ценностно-смысловая сфера личности и синдром эмоционального выгорания сотрудников спасательного отряда МЧС / Д.В. Каширский, А.Н. Овчинникова,

Н.В. Сабельникова // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Т. 18, № 3. – С. 131-134. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovaya-sfera-lichnosti-i-sindrom-emotsionalnogo-vygoraniya-sotrudnikov-spasatel'nogo-otryada-mchs> (дата обращения: 13.01.2026).

NISIN Kirill Sergeevich

Deputy Head of the Course at the Faculty of Fire and Technosphere Safety,
Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia,
Russia, Moscow

**CORPORATE CULTURE IN THE STRUCTURE OF THE MINISTRY
OF EMERGENCY SITUATIONS OF RUSSIA: THE ESSENCE, FEATURES
AND ROLE IN THE DEPARTMENT'S ACTIVITIES**

Abstract. *The article is devoted to the study of the phenomenon of corporate culture within such a unique state body as the Russian Ministry of Emergency Situations (EMERCOM). The relevance of the topic is determined by the key role of organizational culture in ensuring operational efficiency, coordinated actions, and maintaining high moral and psychological readiness of personnel whose activities take place in extreme and often life-threatening conditions. The aim of the work is a comprehensive analysis of the specifics, structural elements, and functional significance of the corporate culture of EMERCOM of Russia. Based on a systematic approach and analysis of open sources, the historical prerequisites for the formation of this culture, its basic values, symbolic and ritual aspects are explored. It is concluded that the corporate culture of EMERCOM is a synthesis of military discipline, the values of civil service, and the humanitarian ethics of a rescuer, acting as a crucial informal institution that consolidates the team, shapes its positive external image, and directly influences the performance of operational tasks.*

Keywords: *corporate culture, EMERCOM of Russia, departmental culture, safety, rescue service, values, team spirit, socio-cultural environment, organizational culture.*

ПСИХОЛОГИЯ

ГЕРЧИНА Елена Валерьевна

студентка, Тольяттинский государственный университет, Россия, г. Тольятти

*Научный руководитель – доцент Тольяттинского государственного университета,
кандидат педагогических наук Антикиев Альберт Хуснутдинович*

МЕТОД ЗАМЕЩАЮЩЕГО ОНТОГЕНЕЗА: НЕЙРОПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К КОРРЕКЦИИ РАЗВИТИЯ У ДЕТЕЙ

Аннотация. В статье рассматривается метод замещающего онтогенеза как нейропсихологический подход к коррекции развития у детей с трудностями обучения, поведения и психоэмоциональными нарушениями. Описываются теоретические основы метода, этапы коррекционной программы и ключевые упражнения, направленные на нормализацию работы мозговых структур и активизацию высших психических функций.

Ключевые слова: замещающий онтогенез, нейропсихологическая коррекция, двигательная коррекция, когнитивная коррекция, психоэмоциональное развитие, дети.

Современные дети все чаще нуждаются в специализированной помощи из-за различных нарушений, таких как сосудистые проблемы, снижение иммунитета, задержка психоречевого развития, несформированность саморегуляции, повышенная возбудимость и психосоматика [4, с. 9]. Данные проблемы отрицательно сказываются на поведении, обучении и общении. Нейропсихологический подход рассматривает эти трудности как следствие дисфункции определенных мозговых структур, возникшей во внутриутробном периоде или в младенчестве. Учитывая современные социокультурные факторы, такие как влияние компьютеров, недостаток игровой деятельности и экологические проблемы, возникает необходимость в специфическом коррекционном подходе, основанном на нейробиологических и социокультурных механизмах развития. [1, с. 15]. Одним из методов, разработанных отечественными исследователями, является метод замещающего онтогенеза.

Метод замещающего онтогенеза – практическая система воздействия на восполнение недостающих элементов в развитии ребенка, создающая новые адаптивные механизмы. Этот метод, в первую очередь, помогает детям, имеющим трудности в сфере формирования моторных процессов, психоэмоциональных

состояний, имеющих проблемы с вниманием, памятью, эмоционально-волевыми функциями, а также необходимыми для успешного освоения математики, пространственными представлениями.

Для достижения наилучших результатов, коррекционно-развивающие занятия методом замещающего онтогенеза проводятся в три этапа.

Первый этап включает в себя психомоторный блок, который направлен на активизацию высших психических функций посредством выполнения физических упражнений, повторяющих закономерности нормального онтогенеза. Эти движения создают базу для овладения чтением, письмом и математическими знаниями [2, с. 120].

Второй этап состоит из телесно-ориентированных методов, влияющих на коррекцию когнитивной сферы ребенка. Данные методы используются для развития восприятия, мышления, активизации правого полушария, межполушарного взаимодействия, префронтальной коры головного мозга. Необходимо отметить, что особого внимания на этом этапе требуют такие дисфункциональные моменты, как устранение зеркальности, расширение зрительного восприятия, развитие тактильного и

слухового восприятия, памяти, внимания и номинативной функции речи.

Третий этап метода замещающего онтогенеза важен с точки зрения социальной адаптации ребенка. Он включает в себя психологические тренинги коммуникативных навыков, самовосприятия для формирования положительной самооценки. Ребенок учится распознавать свои и чужие эмоции, конструктивно выражать их, строить общение со сверстниками и взрослыми, устанавливать свои и уважать чужие границы, выходить из опасных ситуаций и преодолевать стрессы адаптивным способом.

В соответствии с учением А. Р. Лурии о трех функциональных блоках мозга или трёх основных аппаратах мозга, участие которых необходимо для осуществления любого вида психической деятельности, их можно обозначить как:

1. Блок, обеспечивающий регуляцию тонуса и бодрствования;
2. Блок получения, переработки и хранения информации, поступающей из внешнего мира;
3. Блок программирования, регуляции и контроля психической деятельности [3, с. 88].

Метод замещающего онтогенеза является практическим решением для коррекции естественного индивидуального развития ребенка на основе целенаправленного воздействия на тот или иной функциональный блок мозга, что повышает эффективность проводимой работы.

Одним из важных аспектов метода является проработка блока, обеспечивающего регуляцию тонуса и бодрствования. Разминки, самомассаж, релаксации и дыхательные упражнения выполняются тщательно и осознанно, с отслеживанием дыхания и ощущений. Массаж акупунктурных точек улучшает кровообращение головного мозга и активизирует подкорковые структуры, ответственные за поведение и эмоциональное состояние. Растяжки направлены на нормализацию тонуса во всех группах мышц и оптимизацию психической активности. Глазодвигательные упражнения, выполняемые с движениями языка и тела, способствуют развитию межполушарных взаимодействий и улучшению координации. Релаксации помогают оптимизировать тонус и справиться с гипотонусом или гипертонусом.

Коррекция работы второго функционального блока, отвечающего за получение, переработку и хранение информации, поступающей из внешнего мира, включает в себя задания на узнавание, выделение из фона, обводки и рисунки двумя руками одновременно. Для устранения зеркальности применяются бланковые методики и упражнения на тактильные ощущения. Развитие слухового восприятия включает прослушивание собственной речи и чтение диктантов. Работа с пространственными представлениями включает перешифровки, двигательные диктанты и копирование фигур с поворотом. Развитие речи осуществляется через описание сюжетных картинок и повышение словарного запаса.

Работа с трудностями третьего функционального блока мозга, отвечающего за программирование, регуляцию и контроль психической деятельности, строится на проведении тренинговых занятий по социальной адаптации, обучения ребенка техникам совладания с сильными эмоциями, построения адаптивных отношений с собой и окружающими.

Практическое применение метода замещающего онтогенеза доказывает его высокую эффективность среди других подходов к коррекции развития детей в связи с научно обоснованной стратегией последовательной активизации мозговых структур и развитию высших психических функций.

Использование данного метода требует квалифицированного подхода и соблюдения специальных правил, а также активного участия родителей.

Литература

1. Ахутина Т.В., Пылаева Н.М. Преодоление трудностей учения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер, 2012. 320 с.
2. Архипова Е.Ф. Стертая дизартрия у детей. М.: АСТ, 2006. 319 с.
3. Лурия А.Р. Основы нейропсихологии. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 384 с.
4. Семенович А.В. Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. М.: Генезис, 2002. 416 с.

GERCHINA Elena Valrievna

Student, Tolyatti State University, Russia, Tolyatti

*Scientific Advisor – Associate Professor of Tolyatti State University,
Candidate of Pedagogical Sciences Aptikiev Albert Khusnutdinovich*

THE METHOD OF SUBSTITUTING ONTOGENESIS: A NEUROPSYCHOLOGICAL APPROACH TO DEVELOPMENTAL CORRECTION IN CHILDREN

Abstract. *This article examines the method of substituting ontogenesis as a neuropsychological approach to correcting the development of children with learning disabilities, behavioral problems, and psycho-emotional disorders. The theoretical foundations of the method, the stages of the correction program, and the key exercises aimed at normalizing the functioning of brain structures and activating higher mental functions are described.*

Keywords: *substituting ontogenesis, neuropsychological correction, motor correction, cognitive correction, psycho-emotional development, children.*

ХЛЕБНИКОВА Дарья Алексеевна

студентка,

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева,
Россия, г. Астрахань

*Научный руководитель – заведующий кафедрой психологии
Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева,
доктор психологических наук Кайгородов Борис Владиславович*

СВЯЗЬ САМООЦЕНКИ И УСПЕШНОСТИ ОБУЧЕНИЯ У СТУДЕНТОВ КОЛЛЕДЖА

Аннотация. В статье рассматривается связь самооценки и успешности обучения у студентов колледжа.

Ключевые слова: самооценка, успешность обучения, уровень притязаний, успешность, успех, мотивация.

Введение

Актуальность исследования

Период обучения в колледже является очень важным в процессе будущего становления личности. В колледже студенты получают среднее профессиональное образование, которое является переходным звеном от начального школьного образования к высшему образованию в институте. То, как студенты справляется с проблемами, возникающими в процессе обучения, значительно влияет на протекание их дальнейшей жизни.

В период студенчества жизнь насыщена и разнообразна, положительные и отрицательные стороны этой насыщенности влияют на формирующуюся самооценку юноши или девушки. Если оценка себя самого и своих достижений происходит только на основании успешности учебной деятельности, такая однополярная самооценка может привести к социальной изоляции. Успешность, которая формирует самооценку студента, очень многогранна, она вызывает желание повторять успех снова, раз за разом и несет человеку положительный эмоциональный подъем.

Самооценка влияет на отношения индивида с окружающим миром, и важна во всех сферах жизни.

Методология исследования

Анализ отечественной и зарубежной литературы, Методика диагностики самооценки Демо-Рубинштейн (в модификации А. М. Прихожан), Методика для диагностики учебной

мотивации студентов (А. А. Реан и В. А. Якунин, модификация Н. Ц. Бадмаевой), Анализ академической успеваемости (средний балл), сравнительный анализ. Выборка составила 100 человек. Мы взяли студентов 1-х курсов 2023 года и этих же студентов 3-х 2025 года.

Самооценка является сложным образованием человеческой психики, которое возникающим на основе обобщающей работы процессов самосознания, которое проходит различные этапы, и находится на разных уровнях развития в ходе становления самой личности. Именно по этой причине в течение жизни самооценка имеет свойство изменяться. Если личность находится в постоянном развитии, соответственно будут меняться и ее представления о себе и отношение к себе.

Успешность обучения определяется эффективностью руководства учебно-познавательной деятельностью учащихся, при котором высокие психологические результаты достигаются при минимальных затратах.

Помимо этого, успешность обучения включает в себя успешное продвижение по ступеням и уровням образования, сопровождаемое овладением соответствующими знаниями, умениями и навыками, и развитием личностного потенциала, а также адаптацию в социуме посредством формирования социальной компетентности и вхождение в профессиональную деятельность.

Успешность обучения – это интегральный показатель соотношения учебной успешности

студентов с педагогической успешностью преподавателей как равнозначных субъектов процесса обучения.

Самооценка, то есть оценка личностью самой себя, своих возможностей, качеств и места среди других людей, являясь регулятором поведения человека, влияет на эффективность его деятельности. Потенциальную самооценку часто называют уровнем притязаний. Уровень притязаний формируется под влиянием субъективных переживаний успеха или неуспеха в деятельности.

Таким образом, самооценка и связанный с ней уровень притязаний являются важнейшими мотивационными факторами, влияющими на результативность обучения.

Мы организовали исследование, в котором приняли участие 100 человек. Мы взяли студентов 1-х курсов 2023 года (16 лет) и этих же студентов 3-х курсов 2025 года (18 лет), для того чтобы сравнить как меняются показатели по методикам и существует ли связи самооценки и успешности обучения на протяжении учебы.

С целью изучения уровня самооценки было проведено эмпирическое исследование с методиками «Методика диагностики самооценки Дембо-Рубинштейн» (в модификации А. М. Прихожан), «Методика для диагностики учебной мотивации студентов» (А. А. Реан и В. А. Якунин, модификация Н. Ц. Бадмаевой), а также были взяты среднее академические значения по дисциплинам.

В результате нашего исследования мы выяснили, что у студентов на первом курсе, уровень самооценки достаточно низкий, а вот уровень притязаний достаточно большой, что говорит нам о внутреннем конфликте. По показателям мотивации на первом курсе преобладает «Учебно-познавательная мотивация». Также мы выяснили, что среднее академическое значение у первых курсов 3,3. Через критерий Колмогорова-Смирнова и критерий Пирсона, мы выявили взаимосвязь между переменными «Самооценки» и «Успешность обучения», мы можем говорить о том, что у студентов с низкой самооценкой, низкие показатели по успешности обучения и на оборот.

В результате первого исследования мы решили проверить, будут ли отличаться показатели у этих студентов на 3 курсе. Мы провели, точно такое же исследование спустя 2 года обучения в колледже и выяснили, что у студентов будучи на 3 курсе вырос уровень самооценки и снизился уровень притязаний. По показателям

мотивации преобладает «Профессиональная мотивация», также мы выяснили, что связь между самооценкой и успешностью обучения у студентов 3 курса тоже есть. Так как повысился уровень самооценки повысились и средние академические значения 4.2.

В результате корреляционного анализа, была выявлена связь между уровнем самооценки и уровнем успешности обучения. Мы говорим о том, что уровень самооценки зависит от успешности обучения, что подтверждает нашу гипотезу.

Заключение

Самооценка представляет собой сложную психологическую конструкцию, формирующуюся в результате обобщения процессов самосознания. Поскольку личность находится в постоянном развитии, самооценка не является статичной: она проходит различные этапы, меняет свой уровень и содержание на протяжении всей жизни. Постоянное личностное развитие неизбежно влечет за собой трансформацию представлений человека о себе и отношения к самому себе.

Успешность обучения – это многогранный показатель, который включает не только академические достижения, но и более широкие аспекты развития личности: Эффективность процесса, Личностное развитие, Социальная адаптация, Интегральный показатель.

В результате нашего исследования мы выявили, что существует взаимосвязь между уровнем самооценки и уровнем успешности обучения у студентов колледжа, что подтверждает нашу гипотезу.

Литература

1. Абрамова Г.С. Практическая психология: учебное пособие / Г.С. Абрамова. – М.: Прометей, 2018. – 538 с.
2. Алиева Н.Ф., Магомедова З.С. Влияние самооценки на успешность учебной деятельности студентов. 2017 г. С. 112-115.
3. Асмолов А.Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. Москва. 2015 г. 154 с.
4. Белова А.В., Петрова Е.А. Самооценка как фактор академической успешности студентов СПО. Актуальные проблемы психолого-педагогического образования, 2020 г. С. 45-52.
5. Бирин О.В. Понятие успешности обучения в современных педагогических и психологических теориях // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-2. С. 438-443.

6. Волков И.П., Соловьева Е.А. Связь уровня самооценки и мотивации к обучению у студентов колледжа. Психология образования: проблемы и перспективы, 2016 г. С. 78-85.

7. Горобинский М.А., Ветвицкая С.М. Самооценка: особенности ее формирования и

значение в жизни человека // Международный студенческий научный вестник. 2017 г. 132 с.

8. Григорьева Л.А., Семенова А.В. Роль самооценки в формировании учебной мотивации и академической успеваемости студентов. Психологический журнал. 2022 г. С. 67-78.

KHLEBNIKOVA Darya Alekseevna

Student, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Russia, Astrakhan

*Scientific Advisor – Head of the Department of Psychology
of Astrakhan State Medical University named after V. N. Tatishchev,
Doctor of Psychological Sciences Kaigorodov Boris Vladislavovich*

THE RELATIONSHIP BETWEEN SELF-ESTEEM AND ACADEMIC SUCCESS IN COLLEGE STUDENTS

Abstract. *The article examines the relationship between self-esteem and academic success among college students.*

Keywords: *self-assessment, learning success, level of aspirations, success rate, success, motivation.*

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Marie Madeleine Treutler

Professional Model, Independent Researcher,
United States of America, Los Angeles

THE PHYSIOLOGICAL AND STRUCTURAL FOUNDATIONS OF PROFESSIONAL MODELING: BODY REGULATION, PROPORTION, AND HEALTH SUSTAINABILITY IN CONTEMPORARY VISUAL PRACTICE

Abstract. *The present article examines professional modeling as a structured form of embodied practice situated at the intersection of physiology, visual culture, and health regulation. Contrary to widespread perceptions that frame modeling primarily as an aesthetic or commercial activity, this study argues that high-level modeling requires sustained physiological control, postural discipline, and long-term health management comparable to other performance-based professions. The research focuses on the role of body proportion, metabolic balance, biomechanical stability, and visual perception in shaping contemporary modeling standards. Drawing on interdisciplinary approaches from physiology, kinesiology, and visual studies, the article analyzes how professional models maintain peak physical condition while preserving health stability. The results support the interpretation of modeling as a regulated professional activity governed by measurable physical parameters rather than arbitrary aesthetic ideals. The study contributes to broader discussions on embodied labor, performance sustainability, and the scientific analysis of appearance-based professions.*

Keywords: *professional modeling, physiology, body proportion, visual culture, health regulation, biomechanics, performance sustainability.*

Relevance of the Study

In modern visual culture, the human body functions not only as a biological entity, but also as a communicative medium through which cultural, economic, and symbolic meanings are transmitted. Professions that rely on visual representation therefore occupy a distinctive position within contemporary systems of labor. Professional modeling is one such field, operating at the convergence of biological form, visual perception, and industrial standardization.

Despite its prominence within global cultural and commercial systems, modeling has rarely been examined through a rigorous scientific or interdisciplinary lens. Public discourse surrounding the profession often relies on simplified or sensationalized narratives that emphasize appearance while neglecting the physiological, biomechanical, and regulatory processes that underpin sustained professional performance. As a result, modeling is frequently excluded from scholarly discussions of embodied labor, even though its demands closely

parallel those of recognized performance disciplines such as dance, sport, and theater.

The relevance of the present study lies in its attempt to address this analytical gap by reframing professional modeling as a regulated physical practice. By situating modeling within established scientific frameworks, the article seeks to expand academic understanding of how bodily regulation, health preservation, and visual functionality interact in appearance-based professions.

Purpose of the Study

The purpose of this study is to identify and systematize the key physiological and structural factors that define professional modeling as a sustainable form of embodied labor within contemporary visual culture. Rather than treating modeling as an activity determined solely by appearance or external aesthetic judgment, the research approaches it as a regulated professional practice shaped by objective biological, biomechanical, and perceptual parameters. In this context, the study seeks to clarify how the body functions as an integrated system in which visual presentation,

physical stability, and health preservation are mutually dependent.

The research aims to analyze the interrelationship between body proportion, metabolic regulation, postural organization, and visual coherence, emphasizing that these elements do not operate independently. Body proportion is examined not as an abstract or culturally arbitrary ideal, but as a structural factor influencing visual balance, garment interaction, and spatial perception. Metabolic regulation is considered in relation to energy availability, recovery capacity, and physiological stability, all of which are necessary for maintaining consistent professional performance. Posture and biomechanical alignment are analyzed as functional mechanisms that support prolonged static and dynamic presentation while minimizing cumulative physical strain. Visual coherence is addressed as the outcome of these combined factors, emerging from the interaction between physical structure and perceptual interpretation.

Particular attention is given to the mechanisms through which professional models maintain peak physical condition while avoiding practices that compromise long-term health. This includes an examination of how sustainable bodily regulation differs from short-term or pathological approaches to weight control and appearance modification. The study emphasizes that professional longevity in modeling depends on health-oriented strategies that preserve musculoskeletal integrity, metabolic balance, and psychological resilience, rather than on extreme or unsustainable physical alteration.

By examining these processes, the study seeks to demonstrate that professional modeling is governed by functional constraints and internally coherent regulatory systems rather than by arbitrary aesthetic demands. This analytical perspective allows modeling to be examined alongside other performance-based professions, such as dance, athletics, and stage performance, within a unified interdisciplinary framework. In doing so, the research contributes to a more precise scientific understanding of modeling as a form of embodied labor characterized by regulation, discipline, and sustainability.

Materials and Methods of Research

The present study is based on an interdisciplinary qualitative analysis that integrates theoretical frameworks and analytical concepts from human physiology, biomechanics, kinesiology, and visual perception theory. This methodological approach reflects the complex nature of professional

modeling as a practice situated at the intersection of biological function and visual representation. Rather than isolating individual variables, the research considers the body as an integrated system in which physiological processes, structural organization, and perceptual effects operate simultaneously.

The study synthesizes existing scientific literature on body composition, metabolic regulation, postural stability, and musculoskeletal function, with particular attention to research addressing long-term physical performance and health sustainability. These established scientific principles are then applied analytically to the professional realities of modeling practice, including prolonged static posing, controlled movement, and repetitive visual presentation. This approach allows for the interpretation of modeling-specific physical demands without reducing the analysis to purely clinical or experimental conditions.

In addition to physiological and biomechanical analysis, the research incorporates concepts from visual perception theory to examine how bodily structure and posture are interpreted within visual media. Proportion, symmetry, and spatial alignment are considered not only as physical attributes, but also as perceptual phenomena shaped by framing, perspective, and observer cognition. This interdisciplinary perspective enables a more comprehensive understanding of how physical regulation and visual coherence interact in professional modeling contexts.

Comparative analysis is further employed to identify structural parallels between professional modeling and other performance-based disciplines, particularly dance, athletics, and stage performance. The comparison focuses on shared factors such as sustained physical presentation, static and isometric load management, endurance under observational conditions, and the necessity of bodily control in evaluative environments. By situating modeling within this broader category of performance professions, the study highlights common regulatory mechanisms that support long-term functionality and professional sustainability.

Rather than relying on empirical experimentation or quantitative measurement, the study adopts an analytical and interpretive methodology consistent with contemporary humanities-oriented scientific research. This methodological choice reflects the exploratory and conceptual aims of the research, prioritizing theoretical integration and systematic analysis over experimental

validation. Such an approach is appropriate for examining complex embodied practices that cannot be fully captured through isolated experimental variables, while remaining grounded in established scientific knowledge and interdisciplinary scholarly standards.

Results of the Study

The analysis indicates that professional modeling operates within a relatively narrow yet biologically viable range of physiological parameters that support sustained physical presentation without compromising long-term health. Central to this process is metabolic stability, understood as the body's capacity to maintain consistent energy availability while preserving lean muscle mass, neuromuscular coordination, and overall functional strength. The findings suggest that stable metabolic regulation is a prerequisite for professional endurance, as it enables recovery from physical load, supports hormonal equilibrium, and maintains cognitive clarity during prolonged periods of work. In contrast to extreme weight-reduction practices frequently emphasized in non-scientific narratives, sustainable modeling performance is associated with balanced nutritional regulation that prioritizes physiological resilience over short-term physical alteration.

Within this framework, body proportion emerges as a functional parameter rather than a purely aesthetic or symbolic construct. The study shows that proportional relationships between limbs, torso, and overall stature contribute directly to visual coherence across multiple representational environments. In photography, proportion influences framing efficiency and perspective balance; in runway presentation, it affects movement continuity and spatial rhythm; in garment design, it enables standardized pattern construction and predictable fit. These proportional relationships function as stabilizing variables within the fashion and media industries, facilitating consistency of visual outcomes without imposing uniformity in body weight, size, or individual morphology. As such, proportion operates as a relational system rather than an absolute measurement.

Biomechanical analysis further reveals that professional modeling places specific and sustained demands on postural control and musculoskeletal stability. Unlike dynamic athletic performance, modeling often requires prolonged static or semi-static positions combined with controlled, repetitive movement. These conditions necessitate continuous engagement of postural stabilizers, particularly within the core musculature,

lower extremities, and spinal support structures. Efficient biomechanical alignment reduces unnecessary muscular tension, distributes load more evenly across joints, and mitigates cumulative strain. The findings indicate that consistent postural regulation plays a critical role in preventing chronic musculoskeletal stress, thereby supporting long-term professional viability and reducing the likelihood of overuse-related injury.

The results also underscore the importance of psychological regulation as an integral component of professional modeling practice. Continuous exposure to evaluative environments, visual scrutiny, and performance-based assessment imposes sustained cognitive and emotional demands. The study finds that successful long-term participation in the profession is associated with the development of adaptive stress-management strategies, attentional control, and emotional regulation mechanisms comparable to those observed in other high-pressure performance fields. Psychological resilience, therefore, functions alongside physical regulation as a core determinant of professional sustainability.

Taken together, these findings support the conclusion that professional modeling is governed by interconnected physiological, structural, and psychological mechanisms. Rather than reflecting arbitrary or externally imposed aesthetic standards, the profession operates within a coherent system of functional constraints that prioritize stability, efficiency, and health preservation over extreme or unsustainable bodily modification.

Discussion

The results of the present study support the interpretation of professional modeling as a complex and highly regulated form of embodied activity governed by physiological, biomechanical, and perceptual constraints. The findings demonstrate that modeling cannot be adequately understood as a passive or purely representational practice, in which the body merely functions as an object of visual consumption. Instead, professional modeling emerges as an active process of bodily regulation that requires continuous monitoring, adjustment, and control of physical and psychological states. This regulatory dimension situates modeling within the broader category of performance-based labor, where sustained functionality depends on the coordinated interaction of biological systems and environmental demands.

From a physiological perspective, the study indicates that professional modeling relies on maintaining equilibrium within narrowly defined but

sustainable biological parameters. Metabolic stability, muscular endurance, and recovery capacity function as foundational conditions that enable consistent professional performance. These findings challenge popularized narratives that equate modeling success with extreme bodily modification or deprivation. Rather than representing an absence of regulation, the profession demands a high degree of bodily awareness and health literacy, as deviations from physiological balance directly impair performance, increase injury risk, and shorten professional longevity. In this respect, modeling shares fundamental similarities with other disciplines in which the body serves as both instrument and medium.

Biomechanical considerations further reinforce the interpretation of modeling as an active form of physical labor. The requirement to sustain posture, control movement economy, and minimize cumulative musculoskeletal strain highlights the technical demands placed on the body. Modeling-specific tasks such as static posing, repetitive directional movement, and controlled gait impose stresses distinct from those encountered in dynamic sports, yet equally dependent on efficiency and alignment. The study's findings suggest that biomechanical competence is not incidental but central to professional viability, as inefficient posture or load distribution leads to progressive physical degradation. This reinforces the view that modeling involves learned bodily techniques and adaptive strategies rather than spontaneous or effortless presentation.

The perceptual dimension of modeling also plays a critical regulatory role. Visual coherence, proportional balance, and spatial alignment are not solely aesthetic outcomes but are produced through the interaction between bodily structure and perceptual interpretation. The body is continuously adjusted in response to visual feedback, framing conditions, and observer perspective. This dynamic interaction places cognitive demands on the practitioner, requiring anticipatory control and situational awareness comparable to that observed in other visually mediated performance contexts. As such, modeling involves an ongoing negotiation between internal bodily regulation and external perceptual evaluation.

Importantly, the integration of health preservation strategies into professional modeling practice reflects a broader structural shift within the field. The findings indicate an increasing emphasis on sustainability and long-term functionality rather than short-term physical optimization. This

shift aligns with wider cultural and scientific trends that prioritize functional health, injury prevention, and psychological resilience across performance professions. The adoption of balanced nutritional practices, recovery-oriented routines, and stress-management strategies suggests a growing recognition that professional success is contingent upon maintaining bodily integrity over time.

This evolution challenges historically entrenched representations of modeling as an inherently harmful or unregulated occupation. While such representations often arise from documented cases of pathological practice, the present analysis demonstrates that these cases reflect deviations from, rather than the foundations of, sustainable professional modeling. By foregrounding regulation, discipline, and health-oriented strategies, the study contributes to a more differentiated understanding of the profession and its internal logic.

In aligning professional modeling with established analytical frameworks used to study performance-based labor, the discussion underscores the need to reconsider its position within academic and cultural discourse. When examined through the lenses of physiology, biomechanics, and perception, modeling emerges as a structured and demanding form of embodied work. This reframing not only challenges reductive characterizations of the profession but also provides a basis for future interdisciplinary research into appearance-based labor as a legitimate domain of scientific inquiry.

Prospects for Further Research

The findings of the present study open several promising directions for further research aimed at deepening the scientific understanding of professional modeling as a regulated form of embodied labor. One important area for future investigation involves empirical studies examining postural load distribution during modeling activities. Such research could employ biomechanical assessment tools to analyze static and semi-static postures commonly adopted in photographic sessions and runway presentation, with the aim of identifying patterns of muscular engagement, joint loading, and compensatory mechanisms. These data would contribute to a more precise understanding of how repetitive postural demands influence musculoskeletal health over time.

Another significant direction for future research lies in longitudinal analyses of health outcomes among professional models. Long-term studies tracking physiological indicators such as

metabolic stability, musculoskeletal integrity, and stress-related markers would provide valuable insight into the conditions under which sustained professional participation is compatible with overall health. Such analyses could help distinguish between sustainable regulatory practices and factors associated with increased risk of physical or psychological strain, thereby informing evidence-based guidelines for professional longevity.

Comparative investigations across different cultural, institutional, and industrial contexts also represent a fruitful avenue for further research. Modeling standards, working conditions, and regulatory norms vary across geographic regions and market segments, influencing how bodily regulation and health preservation are enacted in practice. Comparative studies could reveal how structural differences in professional environments shape physiological and psychological demands, offering a more nuanced understanding of modeling as a globally differentiated profession.

In addition, further interdisciplinary research could explore the relationship between visual perception mechanisms and bodily regulation in appearance-based professions. Integrating insights from cognitive science, perceptual psychology, and visual media studies would allow for a more detailed analysis of how bodies are adjusted in response to visual feedback, framing constraints, and observer expectations. Such work could elucidate the cognitive processes underlying visual coherence and contribute to broader theoretical models of embodied perception.

Collectively, these research directions underscore the potential for continued interdisciplinary inquiry into professional modeling. By extending empirical, comparative, and perceptual approaches, future studies can build upon the present analysis to further legitimize modeling as a subject of scientific investigation and to refine understanding of the regulatory systems that support sustainable performance in appearance-based labor.

Conclusions

The present study confirms that professional modeling constitutes a structured and highly regulated form of embodied labor rather than a passive or purely aesthetic activity. The analysis demonstrates that sustained professional performance in modeling is contingent upon the coordinated regulation of physiological stability, biomechanical efficiency, and long-term health management. These elements operate as an integrated system in which bodily function, visual

presentation, and professional endurance are mutually dependent.

The findings show that body proportion, posture, and metabolic balance function as interrelated parameters that support long-term professional viability. Proportion operates as a relational structural factor that enables visual coherence across different representational contexts, while biomechanical alignment and postural regulation reduce cumulative physical strain and preserve musculoskeletal integrity. Metabolic stability provides the physiological foundation for these processes by supporting consistent energy availability, recovery capacity, and cognitive functioning. Together, these factors form a coherent regulatory framework that allows professional modeling to be sustained over time without reliance on extreme or harmful physical practices.

By situating professional modeling within a scientific analytical framework grounded in physiology, biomechanics, and perceptual theory, this study contributes to a more accurate and evidence-based understanding of the profession. This perspective challenges reductive characterizations that frame modeling primarily in terms of appearance or aesthetic excess and instead emphasizes regulation, discipline, and health-oriented strategy as defining features of professional practice. In doing so, the study affirms professional modeling as a legitimate subject of interdisciplinary scientific inquiry and clarifies its place within contemporary visual culture as a form of embodied labor governed by functional constraints and principles of sustainability.

References

1. Chaffin D.B., Andersson G.B.J., Martin B.J. (2006). *Occupational biomechanics* (4th ed.). Hoboken, NJ: John Wiley & Sons.
2. Fogelholm M. (2010). Physical activity, fitness and fatness: Relations to mortality, morbidity and disease risk factors. *Obesity Reviews*, No. 11(3), P. 202-221.
3. Gibson J.J. (1979). *The ecological approach to visual perception*. Boston, MA: Houghton Mifflin.
4. Hawley J.A., Burke L.M. (2010). Carbohydrate availability and training adaptation: Effects on cell metabolism. *Exercise and Sport Sciences Reviews*, No. 38(4), P. 152-160.
5. Hodges P.W., Richardson C.A. (1996). Inefficient muscular stabilization of the lumbar spine associated with low back pain. *Spine*, No. 21(22), P. 2640-2650.

6. Holliday A., Hyde M., Kullman J. (2010). *Intercultural communication: An advanced resource book*. London: Routledge.
7. Latash M.L. (2008). *Synergy*. New York, NY: Oxford University Press.
8. Loucks A.B. (2007). Low energy availability in the marathon and other endurance sports. *Sports Medicine*, No. 37(4-5), P. 348-352.
9. Neumann D.A. (2017). *Kinesiology of the musculoskeletal system: Foundations for rehabilitation* (3rd ed.). St. Louis, MO: Elsevier.
10. Papanek V. (1985). *Design for the real world: Human ecology and social change* (2nd ed.). Chicago, IL: Academy Chicago Publishers.
11. Shilling C. (2012). *The body and social theory* (3rd ed.). London: Sage Publications.
12. Slater A., Tiggemann M., Hawkins K. (2012). Weight control strategies and body image among fashion models. *International Journal of Eating Disorders*, No. 45(3), P. 412-417.
13. Sommer R., Sommer B. (2002). *A practical guide to behavioral research: Tools and techniques* (5th ed.). New York, NY: Oxford University Press.
14. Wilson M. (2002). Six views of embodied cognition. *Psychonomic Bulletin & Review*, No. 9(4), P. 625-636.
15. Zatsiorsky V.M., Prilutsky B.I. (2012). *Bio-mechanics of skeletal muscles*. Champaign, IL: Human Kinetics.

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2026 • № 3 (289)

Часть III

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 20.01.2026 г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40